

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-08-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-08-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопа́л Алексе́й Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенеvская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailevan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4].... А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Григорьев С.Л. Экран как детерминанта ускорения времени	1
Кузьмин В.Г. Абстрагирование объектов на примере понятия-концепта «цвет». Феноменологический аспект	9
Суслов А.В., Гусев Д.А. Мост через бездну? Цифровизация и трансгуманизм как новая антропологическая и социальная реальность в контексте мировоззренческих поисков личности (историко-философский и общетеоретический аспекты)	24
Мальцев Я.В. Прагматизм в образовании: философские основания и педагогическая практика	38
Глуздов Д.В. Взаимодействие философской антропологии и нейронаук в контексте вопросов естественного и искусственного интеллекта	51
Англоязычные метаданные	61

Contents

Grigoryev S.L. The screen as a determinant of time acceleration	1
Kuzmin V. Abstracting Objects on the Example of the Concept "Color". The Phenomenological Aspect	9
Suslov A.V., Gusev D.A. A Bridge across the Abyss? Digitalization and Transhumanism as a New Anthropological and Social Reality in the Context of Ideological Searches of Personality (Historical, Philosophical and General Theoretical Aspects)	24
Maltsev Y.V. Pragmatism in Education: Philosophical Foundations and Pedagogical Practice	38
Gluzdov D.V. Interaction of Philosophical Anthropology and Neurosciences in the Context of Natural and Artificial Intelligence	51
Metadata in english	61

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Григорьев С.Л. — Экран как детерминанта ускорения времени // Философская мысль. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.7.43516 EDN: SCJFRA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43516

Экран как детерминанта ускорения времени

Григорьев Сергей Леонидович

ORCID: 0000-0001-9143-0636

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА им К. А. Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ grigoryevdiss@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.7.43516

EDN:

SCJFRA

Дата направления статьи в редакцию:

02-07-2023

Дата публикации:

09-07-2023

Аннотация: Предметом исследования является современная тенденция ускорения культурной динамики, а также реальная причина возникновения субъективного ощущения ускорения социокультурного времени – ускорение темпов НТП и разнообразия окружающей индивида техносферы. Другая такая причина – перепотребление информации. Классическая модель времени, предполагающая, что все возможные изменения непрерывно движущегося мира взаимосвязанно происходят в пространстве и во времени, в условиях современной информационной культуры является частично деформированной, частично аннулированной. Начало процессу пересмотра классических моделей восприятия времени в сочетании с его индивидуализацией было положено философскими направлениями экзистенциализма и постмодерна. Исследование опирается на концепцию цифрового капитализма Дж. Вайсман, является целенаправленным рассмотрением и всесторонним анализом ряда новых взглядов на феномен экрана, а также на особенности структурирования и репрезентирования для реципиента его внутреннего виртуального пространства,

оказывающие прямое и непосредственное влияние на восприятие, результатом чего становится возникновение эффекта субъективно ощущаемого ускорения времени. Особое внимание уделено анализу особенностей характера формируемых интеракций между экраном и зрителем (пользователем, зрителем, геймером и т.п.). Экзистенция современного человека все более превращается в симуляцию, а время экзистенции коммерциализируется и становится предметом символического обмена и потребления. По результатам исследования выделены и проанализированы наиболее заметные черты формируемых интеракций, их имитационный и симуляционный характер, принудительно моделирующий эффект ускорения времени. Находящийся рядом с человеком экран электронного устройства (смартфона, планшета, телевизора) в условиях сетевого общества формирует новый тип интересубъективности, внутри которой он обрывает множеством функций, число которых постоянно растет. В заключение представлена авторская философская интерпретация проблемы взаимодействия экрана и человека, опирающаяся на концепцию Дж. Вайсмана, производится анализ современных культурных тенденций ускорения и замедления, оцениваются общие социокультурные перспективы этих процессов.

Ключевые слова:

экранная культура, сакрализация экрана, социокультурная акселерация, социальные модели времени, экзистенциальное время, время как переживание, перепотребление информации, ускорение, социокультурная динамика, экранность

Введение

Философская теза Гераклита о том, что мир пребывает в постоянном движении и изменении, предлагает форму для первой традиционной модели картины мира, внутри которой пространство и время оказываются неразрывно связаны самим характером этой динамики, поскольку все возможные изменения непрерывно движущегося мира взаимосвязанно происходят в пространстве и во времени. Одиннадцать веков средневековой схоластики почти ничем не дополнили и не расширили это утверждение, а вот в философии Нового времени такие новации, основанные на изначально конвенциональном характере обозначенных понятий, неизбежно последовали. Так, уже во второй половине XVIII века И. Кант, отвечая на вопрос «что я могу знать о мире?» и исследуя пространство и время уже как категории, которыми оперирует мышление человека, отражая окружающую действительность, приходит к выводу об имманентно присущем мышлению априоризме, в значительной степени лежащем в основе предложенной им дихотомии трансцендентного и трансцендентального, поскольку, согласно выводам, к которым он пришел, как пространство, так и время есть ни что иное, как априорные конструкции логического сознания [\[13, с. 9\]](#).

Последователями Канта, всесторонне развивавшими далее эту мысль, было предпринято немало усилий по выделению и последующей демаркации объективно-логического и субъективно-символического содержания этих понятий. В этом отношении, например, классическая рационалистическая философия вынуждена была в итоге размежеваться с мировой художественной культурой, поскольку каждая сторона видела в пространстве и времени что-то неотъемлемо присущее ей, а логика мышления и языка не имеет возможности оперировать одной только образностью. Так, исполненная метафорами речь, к примеру, весьма уместна на сцене, но абсолютно невозможна в научном дискурсе. Потому блистательное «И дольше века длится день» не может быть доказано и

обосновано никакими правилами логического вывода – просто поэт так чувствует время, чем и делится со своим читателем.

Конец всему этому раздору смог положить только постмодернизм, объявивший во второй половине XX века «кризис», «конец», «закат» всех метанарраций. согласно новым реалиям, постмодернистская концепция времени складывалась вне традиционно направленного вектора от прошлого к будущему. Подобное положение дел привело к дехронологизации времени, упразднению объявленных более недействительными метанарраций в формализованных последовательностях исторически связываемых ими событий.

Однако раньше постмодерна возникло философское направление, выражающее сомнения в незыблемости кантовской концепции времени, – экзистенциализм. Его становление происходит под знаком такого времени, которое проживается и переживается исключительно индивидуально ^[12]. Если время Канта априорно, и через это логично, то время экзистенции столь же априори телеологично. Имеется в виду время реализации личных целей и ценностей, достижение которых только и формирует персональное восприятие времени внешнего мира, полагаемого субъектом себе внеположенным. Это не может быть метанаррацией по определению, и, тем самым не может быть аннулировано постмодерном. Более того, такая модель восприятия субъектом «внешнего времени» позволяет объяснить, почему для одних оно течет быстрее (есть достижимые цели), а для других – медленнее (нет целей, экзистенция обесмысливается).

Разнообразие техносферы, окружающей современного человека, таково, что он за этой скоростью технического прогресса вполне определенно не успевает. По этой причине возникает предположение о том, что течение времени по сравнению со всеми его классическими моделями ускорилось. Более того, с целью аргументации этих субъективных догадок сторонами, утверждающими таким образом, приводятся все более новые и, как это кажется им важным, все более значимые доказательства. Последние с неизбежностью обрастают самой разнообразной предикацией – признаками, свидетельствующими именно так, «признаками ускорившегося времени», львиную долю которых представляют собой детерминанты визуального ряда. Наиболее впечатляющим из них является экран в самом широком смысле этого слова. Особенности аргументации ускорившегося хода времени с использованием, при помощи, или посредством экрана и определили актуальность настоящего исследования.

Цель исследования связана с анализом условий создания визуальных эффектов или отражения ускорившихся темпов течения времени в пространстве экрана.

Достижение намеченной цели потребовало применения **методов** анализа текстовых материалов, контент-анализа и кросс-факторного анализа материала источников по параметрам, обладающим собственным значимым содержанием, пригодным для осуществления задуманного.

Исследование и результаты

На субъективном уровне многократно отмечалось, что в рамках сформированной темпоральной рефлексии современный человек сохраняет достаточно ясное понимание того, что есть его «прошлое», и что – «будущее». С «настоящим» все значительно сложнее, поскольку здесь всякий исследователь оказывается поставленным перед необходимостью избежать произвола в оценках границ, пределов, критериев отнесения,

форм аргументации этих критериев, и т.д. «Времена не выбирают», зато выбрать модусы своего отношения к ним отдельно наблюдаемому индивиду не в силах запретить никто и ничто, никакие законы физики, логики, психологии.

Исследователь неизбежно сталкивается с экраном, находящимся внутри индивида, причем образ будущего, которое еще не наступило, все равно в значительном большинстве случаев формализуется высшей психической функцией воображения.

Сразу следует оговорить, что на сегодняшний день объективных данных относительно фиксируемых наукой процессов современного мира в подтверждение гипотезы ускорения времени катастрофически не хватает. Исключение в данном случае составляет небольшая по объему статья доктора физико-математических наук, ведущего научного сотрудника Института физических проблем им. П. Л. Капицы РАН С. П. Капицы «Об ускорении исторического времени» [\[10\]](#), а также монографического исследования историка И. М. Дьяконова, на страницах которого вопросы сжатия времени также широко обсуждаются [\[8\]](#). При этом математическая модель, предложенная физиком, созвучна концепции историка, что являет собой следствие такого методологического принципа, как соответствие.

Тем не менее, каждый обыватель вполне резонно сетует сегодня на катастрофическую нехватку имеющихся в сутках 24-х часов, не умея справляться с вызываемым подобным цейтнотом стрессом. При этом мало кто отдает себе отчет в том, что если прежде время, посвященное чтению газет, как правило, укладывалось в часы, отведенные на завтрак, обед или ужин, либо – дорогу, которую читатель проделывал от дома до места работы и обратно, то сегодня современный гаджетоман нередко не расстается со своим устройством ни на минуту. Будучи целиком и полностью поглощен транслируемым им информационным потоком, такой индивид утрачивает чувство реальности, выпадая за временные рамки [\[16; 17; 18; 19\]](#). Все это приводит к ситуации, когда человек утрачивает статус субъекта, выступая в качестве объекта информирования, чье существование проходит в режиме overflow («переполнение» – англ.).

Другими словами, в силу того, что передаваемая информация носит якобы адресный характер, необходима ее селекция, которая, в свою очередь, так же требует от объекта информирования времени, тогда как на остальные дела – личные, казенные, общественные – его остается все меньше и меньше. Таким образом, гиперпотребление информации, часто вынужденное, становится одной из наиболее заметных насущных проблемных зон, формирующих субъективную основу восприятия ускорения времени.

Некоторые авторы [\[5, с. 39\]](#) усматривают исторические истоки зарождения обозначенных тенденций в относящихся к прошлому столетию основах модернизации общей системы европейской культуры. Однако в то же самое время именно с возникновением новых условий технологической модернизации этой культуры сегодня те же самые тенденции обрели реальную силу. Кроме того, процессы субъективизации целого ряда базисных онтологических категорий в условиях техногенной культуры привели к определенной трансформации процессов модернизации, берущих свое начало в прошлом веке [\[6, с. 271\]](#), за которой неизбежно последовало существенное изменение их первоначального характера и целеполагания.

Деонтологизация темпоральных модусов, в значительной степени инспирированная изменившимся характером культурного пространства современного социума, в свою очередь, породила возникновение целого ряда феноменов фрагментации прежних

темпоральных моделей, что не замедлило сказаться на субъективных особенностях восприятия времени человеком, живущим сегодняшним настоящим [\[4, с. 29\]](#). Воспринимаемое, как ресурс, время постепенно создает прецедент обмена (как индивидуально потраченное на одно, или на другое), и тем самым коммерциализируется. Примечательно, что характер индивидуального распределения фрагментов времени в этом его новом понимании и ощущении неосознаваемо для индивида детерминирован формами его возможного потребления, имеющими столь же символический характер, как это может быть отнесено ко всей сфере символического потребления материальных товаров и услуг целиком. Если бы это было не так, визуальные ряды социальных сетей не были бы переполнены снимками дорогих курортов, ресторанов, вечеринок, топовых салонов красоты, ювелирных украшений, дорогих брендов одежды и обуви, элитной косметики, автомобилей премиум-класса, загородных особняков и т.п.

Таким образом, тотальной симуляцией ныне становится вся экзистенция [\[7\]](#) и, следовательно, само экзистенциальное время предстает в качестве симулякра. При этом ничто иное, как экран обеспечивает визуализацию симулякра, являя собой основное средство его репрезентации. Именно экран позволяет сжать, сдавить прежде линейную череду происходящих друг за другом событий, создавая у сидящего перед этим экраном зрителя вполне устойчивое и отчетливое ощущение того, что время не просто мчится – оно вылетает подобно снаряду из пушки.

Думается, что примерно такие эмоциональные ощущения возникают у всякого гаджетомана, начинающего каждый свой день с контакта с экраном собственного смартфона. Причем, организация представляемой на этом экране пользователю смартфона информационной картины мира связана со временем весьма условно («на днях», «недавно», «ожидается в ближайшее время», «уже скоро», «уже было заявлено, что....» и т.п.). Темпоральность как выделенная характеристика этой картины обладает всеми чертами симуляции, поскольку тот атрибут, к которому она целенаправленно отнесена (экранное время) по отношению к времени астрономическому прямого и однозначного соответствия не обнаруживает ни в целом, ни в подавляющем множестве деталей такой модели информирования [\[3, с. 22\]](#). Более того, симулякр астрономического времени сконструирован искусственно исключительно с целью оказания соответствующего эмоционального эффекта на потенциального реципиента информирования [\[9, с. 79\]](#). Неустраняемая ущербность принудительно фрагментированного, а затем скомпилированного образа мира, создаваемого экранами современных технических средств, в том, что между ним и оригиналом нет эквивалентности.

Однако такой экран выполняет функции не только детерминанта ускорения времени [\[3, с. 22\]](#). В социальной реальности, соответствующей новому сетевому типу общества [\[11\]](#), он одновременно созидает новый тип интересубъективности. Вот что пишет об этом Дж. Вайсман [\[1, с. 24 – 69\]](#): экран – это терминал, по которому проходит грань между индивидуальным и всем остальным. Это портал, представляющий для истинного гаджетомана доступ к спектру предлагаемых ему возможностей, созданных искусственно с целью организации коммерческого обмена между ним и окружающей его действительностью. Это врата в окружающую реальность. Это ключ от врат. Это страж этих врат. Это церемониймейстер ритуала вхождения индивида в виртуальность. Если ритуал требует определенного времени на такое вхождение, то временные затраты будут соблюдены, отслежены и отнесены на счет входящего. С экраном невозможно договориться по своим правилам, потому что экран позволяет доступ только по правилам

экрана. Власть экрана уже ставит человека в диктуемую им зависимость, иначе – экран становится могущественнее человека, и начинает его в чем-то, в каких-то имеющихся у него властных полномочиях, даже превосходить [\[1\]](#).

Абстрагируясь от терминологии Ж. Бодрийера, Дж. Вайсман указывает в качестве основной предикации экрана современных электронных устройств его иллюзорность [\[1\]](#). Последняя актуализируется за счет сочетания методов фрагментации («монтажа») [\[14, с. 97\]](#), селекции, и последующей компиляции фрагментов [\[15, с. 19\]](#). Однако это иллюзия особого рода, обладающая своей собственной динамикой, не соотносимой с ходом обычных часов. Если индивид, отдающий предпочтение этим часам, а не экрану своего электронного устройства, не поспевает за этой динамикой, это проблема индивида. Так, через время экрана, человек постепенно отучается от подлинной реальности, попадая в зависимость от реальности экранной. Остается сделать еще несколько усилий в этом направлении – технических и технологических прорывов – и эта грань в человеческом восприятии времени будет окончательно стерта [\[2\]](#).

Выводы

Итак, классическая модель времени, предполагающая, что все возможные изменения непрерывно движущегося мира взаимосвязанно происходят в пространстве и во времени, в условиях современной информационной культуры является частично деформированной, частично аннулированной.

Начало процессу пересмотра классических моделей восприятия времени в сочетании с его индивидуализацией было положено философскими направлениями экзистенциализма и постмодерна.

Современные тенденции: одной из реальных причин возникновения субъективного ощущения ускорения времени является ускорение темпов НТП и разнообразия окружающей индивида техносферы. Другая такая причина – перепотребление информации.

Экзистенция современного человека все более превращается в симуляцию, а время экзистенции коммерциализируется и становится предметом символического обмена и потребления.

Согласно концепции Дж. Вайсман, находящийся рядом с человеком экран электронного устройства (смартфона, планшета, телевизора) в условиях сетевого общества формирует новый тип интерсубъективности, внутри которой он обрастает множеством функций, число которых постоянно растет.

Библиография

1. Вайсман Д. Времени в обрест: ускорение жизни при цифровом капитализме. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 304 с.
2. Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 144 с.
3. Галанина Н.В. Понимание детерминации в философском анализе // Вестник МУ МВД РФ. 2016. № 2. С. 21–23.
4. Головашина О.В. Коммерциализация времени: ценность и цена момента // Fractal Simulation. 2016. № 1. С. 25–34.
5. Головашина О.В. Модернизация как Европейский проект: линейная модель времени и трансформация социально-экономической системы // Fractal Simulation. 2012. №

2. С. 36–44.
6. Головашина О.В. Феномен модернизации и трансформации социального времени // Известия ТамГУ. 2012. № 11(115). С. 269–275.
7. Григорьев С.Л. Этические экзистенциалы современной экранной культуры (на примере британского сериала «Black mirror») // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 39–44.
8. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. Москва: КомКнига, 2007. 384 с.
9. Жеребин В.М. Современное восприятие времени и ускорение темпа жизни // Народонаселение. 2014. № 2. С. 72–82.
10. Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 3–16.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
12. Лишаев С.А. Нео-анахроничные формы существования в контексте современности (темпоральная многоукладность и практики замедления) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2019. № 2(26). С. 134–148.
13. Ойзерман Т.И. Кантовская концепция пространства и времени // Кантовский сборник. 2009. С. 7 – 19.
14. Познин В.Ф. Художественное пространство и время в экранном хронотопе // Вестник СПбГУ. 2019. № 1. (Т. 9). С. 93–109.
15. Познин В.Ф. Экранное пространство: реальное и воображаемое // Вестник СПбГУ. 2015. № 1 (Т.15). С. 18–25.
16. Саенко Н.Р. «Медленное движение» как стратегия духовной безопасности в современной культуре // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Волгоград, 06–08 декабря 2018 года / Ответственный редактор М. Р. Желтухина. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2019. С. 112–113.
17. Саенко Н.Р. Скорость: бедствие или благо? (Рецензия на книгу Д. Вайсман «Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме») // Сервис plus. 2019. Т. 13. № 3. С. 93–95.
18. Саенко Н.Р., Хрустова В.С. Бытие человека в условиях ускорения социокультурной динамики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2(40). С. 175–178.
19. Щеглова Л.В., Саенко Н.Р. Парадоксы социального времени // Философия в полицентричном мире : Сборник научных статей, Москва, 28–30 мая 2020 года. Москва: Новые печатные технологии, 2020. С. 1310–1313.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Экран как детерминанта ускорения времени» выступает феномен современной темпоральности. Автор размышляет об ускоренности течения времени в современных условиях и связывает этот процесс с увеличением

степени визуализации культуры конца 20 - начала 21 веков. В качестве центрального понятия статьи выступает понятие «экрана», значение которого, к сожалению, четко не поясняется автором, указывающим лишь, на то, что он намерен использовать это понятие в самом широком смысле. В статье можно встроить множество контекстуальных определений "экрана": «экран обеспечивает визуализацию симулякра, являя собой основное средство его репрезентации», «экран позволяет сжать, сдавить прежде линейную череду происходящих друг за другом событий, создавая у сидящего перед этим экраном зрителя вполне устойчивое и отчетливое ощущение того, что время просто мчится», «экран – это терминал, по которому проходит грань между индивидуальным и всем остальным», «основной предикации экрана современных электронных устройств является его иллюзорность». Из контекста рассмотрения можно предположить, что «экраном» автор называет разнообразные поверхности репрезентации визуальной информации по средствам цифровых технологий, и относит к ним экраны гаджетов (смартфоны, планшеты, ноутбуки), компьютерные экраны, экраны телевизоров и кинотеатров. Однако отсутствие четкого прямого определения центрального понятия статьи снижает теоретическую составляющую работы.

Целью представленного исследования выступает отражение ускорившихся темпов течения времени в пространстве экрана.

Методология исследования определяется автором как совокупность методов анализа текстовых материалов, контент-анализа и кросс-факторного анализа материала источников.

Актуальность исследования связывается автором с необходимостью осмысления особенности ускорившегося хода времени и привлечение для этого концепта «экранного времени» или «экранного ускорения».

Научная новизна исследования нашла отражение в его выводах. Автор утверждает, что классическая модель времени в условиях современной информационной культуры является частично деформированной, частично аннулированной. Начало этого процесса было положено философами экзистенциалистами и постмодернистами. Одной из реальных причин возникновения субъективного ощущения ускорения времени является ускорение темпов НТП и разнообразия окружающей индивида техносферы. Другая такая причина – перепотребление информации. Экран электронного устройства в условиях сетевого общества формирует новый тип интересубъективности, внутри которой он обрывает множеством функций, число которых постоянно растет.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Однако, как уже отмечалось, для статьи в области философских наук не хватает концептуализации центрального понятия исследования – определения значения термина «экран».

Структура статьи логически непротиворечива, задается авторским членением на «Введение», «Исследование и результаты» и «Выводы». Содержание раскрывает заявленную проблему.

Библиография вполне репрезентативна для освещаемой проблемы и включает 19 наименований.

Апелляция к оппонентам присутствует. Наибольшего внимания со стороны автора удостоиваются идеи Ж. Бодрийяра и Дж. Вайсмана, касающиеся предикации экрана современных электронных устройств как иллюзорности.

Статья не перегружена специальной лексикой, что позволяет познакомиться с ней широкому кругу читателей. Выводы статьи будут интересны как для современных философов, так и историков культуры, культурологов, социальных психологов.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Кузьмин В.Г. — Абстрагирование объектов на примере понятия-концепта «цвет». Феноменологический аспект // Философская мысль. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.7.40076 EDN: UCONXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40076

Абстрагирование объектов на примере понятия-концепта «цвет». Феноменологический аспект

Кузьмин Владимир Геннадьевич

кандидат философских наук

независимый исследователь

214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Ногина, 32, кв. 26

✉ kvg-17@mail.ru

[Статья из рубрики "Онтология: бытие и небытие"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.7.40076

EDN:

UCONXF

Дата направления статьи в редакцию:

29-03-2023

Аннотация: Исследуются особенности абстрагирования объектов в трёх различающихся по «размеру» сегментах реальности: «ситуация», «со-бытие» (ситуаций) и «универсум». При этом абстрагирование объектов может быть двух видов: «внутреннее» и «внешнее». В первом случае оно представляет собой идеализацию по внутренне присущему свойству, во втором случае – отвлечение от каких-то внешних аспектов, заданных в соответствующем сегменте реальности, в том регионе бытия, в котором объект имеет значение. Цель работы – выявить особенности абстрагирования объектов при феноменологическом подходе. Общая концепция обусловлена интервальной методологией. Отмечено, что при феноменологическом подходе характер абстрагирования целиком зависит от «размера» соответствующего сегмента реальности (в методологии – интервала абстракции). Подробно излагаются представленные новации на примере понятия-концепта «цвет». Выявлено различие между понятием «цвет» (как результатом «внутреннего» абстрагирования) и концептом «цвет» («внешнего» абстрагирования). Разграничена роль конкретного цвета, категорий цвета и цветности в интендировании объектов цветовой реальности. Изучается абстрагирование цвета в различающихся сегментах реальности, в частности, конкретный

цвет в «ситуации», категория цвета в «со-бытии» и, наконец, цветность в «универсуме». Выявлена особая роль серого (ахроматического) цвета в видении. Абстракция серого цвета играет большую роль в восприятии цветов как в обыденной жизни, так и в эстетике (живописи).

Ключевые слова:

интервальная методология, серый цвет, цветность, универсум, цветовой континуум, данность, сегмент реальности, дополнительность цветов, контрастность цветов, чёрно-белая фотография

Введение. В традиционной логике абстрагирование объекта по какому-то свойству предполагает молчаливое игнорирование иных свойств. Между тем, в аспекте феноменологии такая процедура в полной мере не проработана. В частности, на необходимость модификации классических гносеологических абстракций в аспекте феноменологии указывает Микешина С. М. И по её словам, «феноменология выступает как особый способ приближения "к самим вещам" через воссоздание непосредственного смыслового поля между сознанием и предметами»^[14]. В акте внимания субъекту («Я») дан объект с характеризующим его в этот ничтожный момент времени интенциональным (актуальным) свойством. И это свойство в достаточной мере уникально, чтобы описать именно этот объект, а не какой-то другой. Г. Ланц заметил, что при феноменологическом подходе абстрагирование производится не вообще, а именно заданного в ситуации конкретного предмета (объекта). «...Результат абстракции – это всегда нечто индивидуальное, индивидуальный момент, полученный из конкретной вещи; из самого этого момента...»^[11]. Этот результат актуален только в момент абстрагирования, но в следующей ситуации он может быть уже не актуальным. На основании него субъект «по инерции» анализирует следующие ситуации и получает необходимые выводы. В этом существенное отличие феноменологического абстрагирования от традиционного.

Основные положения. Объект в ситуации наделён только одним свойством, каково бы оно ни было (даже очень сложное, состоящее из многих и многих «элементарных» свойств). И такое свойство имеет структуру некоего «многогранника»: для субъекта актуально дана та его грань, которая имеет значение в выделенном сегменте реальности. Иные грани актуального свойства скрыты, они присутствуют в «тут-бытии», но в акте внимания не актуализируются (потенциальны) или же раскрыты для субъекта не полностью, а только в какой-то его части. В восприятии такое «многогранное» актуальное свойство «повёрнуто» к субъекту с той стороны, которая существенна (имеет значение) в ситуации или в рамках поставленной задачи. «...Чувственное восприятие материальных вещей не является в смысле полноты тотальным: сущее дано в нем хоть и оригинально; но всегда лишь с одной стороны. Сколь бы адекватным ни было то или иное восприятие, воспринятое сущее всегда показывает себя лишь в каком-то определенном ракурсе»^[17, с. 54]. При этом субъект актуализирует не только само по себе непосредственно воспринимаемое (актуальное) свойство, но и всё то многообразие связей, которыми это самое свойство связано с иными свойствами в том же самом сегменте реальности. В силу этого условимся считать этот сегмент в дальнейшем изложении системным целым. Воспринимаемому актуальному свойству объекта в силу сказанного присуща полнота. Она охватывает не только само это свойство, но и всё то, в чём оно актуализируется в ряду других связанных с ним свойств.

Интервальная методология, развиваемая в последнее время (Новосёлов М. М., Лазарев Ф. В., Креминский А. И. и др.), изучает абстракцию в некотором диапазоне применимости – интервале абстракции, в котором действуют соответствующие ограничения. Объект задаётся в каком-то определённом интервале свойств и отношений. Так Лазарев Ф. В. отмечает, что «абстрагируя в процессе познания, исследователь действует отнюдь не произвольно, а по определенным правилам и согласно поставленной познавательной задаче»^[10]. В настоящей статье сформулированный подход уточняется и развивается, но не в методологическом, а в феноменологическом аспекте. Абстрагирование понимается как отвлечение от ненужных признаков не вообще, а только в рамках поставленной задачи как идеализация по какому-то одному выделенному признаку (свойству). Актуальное свойство высвечивается актом внимания из «моря имеющегося», потенциально пребывающего в том же сегменте реальности, в котором оно, как структура свойств («многогранник»), само по себе многомерно, отчего возникает «многомерность объекта научного познания»^[8]. Актуальное свойство характеризует объект в «тут-бытии». Нельзя произвести абстрагирование именно в этой ситуации, необходимо опираться на весь интервал абстракции, совпадающий в акте внимания с указанным сегментом. Кроме того, актуальное свойство присуще не только какому-то конкретному объекту (в ситуации), изучаемому с какой-то одной стороны, но и классу объектов. В любом случае оно удовлетворяет ограничениям (естественным установкам).

Познающий субъект в интенции производит экспансию определённости. Актуальное свойство определено до той меры, при которой его раскрытия вполне достаточно для адекватного определения объекта (или класса объектов). Оно фундирует вписанность объекта в сегмент реальности; на практике это выражается в адекватной его применимости (значении). В силу всего сказанного, субъекту в его акте внимания в зависимости от степени охвата этот сегмент реальности всегда дан в каком-то «размере». В зависимости от последнего различаем три его вида: «ситуация», «со-бытие» (ситуаций) и «универсум». Из дальнейшего изложения будет ясно, о чём идёт речь. В каждом из указанных трёх видов сегмента реальности актуальное свойство дано в двух взаимосвязанных частях: 1. его содержание и 2. весь тот регион бытия, в котором оно раскрывается в акте внимания в части той вписанности-встроенности в соответствующий сегмент реальности, в которой объект с его «многогранником» актуального свойства для «Я» актуален. Соответственно, и само абстрагирование объекта по какому-то свойству (входящего в «многогранник» актуального свойства) может быть произведено либо по содержанию в рамках своего сегмента, либо по тому самому региону бытия, к которому последний относится. В первом случае имеем абстрагирование уже хорошо разработанное в традиционной логике, когда субъект отвлекается от второстепенных свойств (в «многограннике») и актом внимания актуализирует только какое-то одно свойство, которому придаётся значение и которое абстрагируется. Во втором случае, абстрагирование производится в аспекте того влияния (участия) свойства, которое оно оказывает на объект, и тем самым формирует «ситуацию» («со-бытие», «универсум») в акте внимания. Этим участием свойство актуализируется в рамках системного целого. Таким образом, абстрагирование объекта в рамках интервала абстракции может быть произведено двояко, с двух сторон. Во-первых, традиционно, как отвлечение от второстепенных свойств (абстрагирование по содержанию, для краткости будем называть это «внутренним» абстрагированием), и, во-вторых, с учётом взаимосвязи с указанным целым, как выявление значения актуального свойства для «тут-бытия» объекта (абстрагирование во вмещающем целом, «внешнее» абстрагирование). Заметим, что в самом русском языке синтаксическая сочетаемость глагола «абстрагировать» имеет две формы «переходная – абстрагировать что-то, и

непереходная – абстрагировать (абстрагироваться) от чего-то... Переходная форма выражает направленность внимания на то, что абстрагируется. Непереходная форма, напротив, – на то, от чего абстрагируются»^[15, с. 46] (т. е. «внешнее» абстрагирование). И Новосёлов М. М. пишет о том, что обе формы этого глагола дополняют друг друга. Любопытно, что ещё Аристотель разделял абстракцию на две формы: теоретическую (например, понятия арифметики) и эмпирическую (например, движение).

В соответствии со сказанным выделим следующие три формы абстракции объекта.

1. В акте внимания сегмент реальности дан в какой-то одной (текущей) ситуации (такой сегмент будем обозначать в кавычках, в данном случае – «ситуация»). «Внутреннее» абстрагирование производится как выделение одного свойства и игнорирование всех других, имеющих место в «многограннике» актуального свойства. Например, субъекту («Я») дан объект: «кухонный стол». Абстрагирование по свойству «иметь применение» даёт объект «стол». «Внешнее» абстрагирование производится как выяснение значения свойства «иметь применение» в рамках заданной ситуации (быть вписанным в ситуацию). Такое абстрагирование даёт объект: «стол, среди применений которого – быть кухонным столом». Заметим, что вписанность в ситуацию выражается через значение термина.

2. В акте внимания сегмент расширен до «со-бытия» (ситуаций). Например, субъект видит, как приглашённые гости стали присаживаться за кухонный стол, на котором уже разложены разные яства. «Внутреннее» абстрагирование объекта «кухонный стол» приводит к понятию «стол» (именно к понятию). «Внешнее» абстрагирование даёт концепт «стол», которое вписано в системное целое, независимо от того, что это за стол. В прагматизме: «стол» вместе со всем тем пониманием и аспектами применения, которое он в себе заключает, есть фрейм (по М. Минскому и Ч. Филлмору), – как структура данных (целостность). Последняя предполагает весь контекст употребления термина (так, например, употребляя термин «четверг», субъект имеет в виду кроме значения этого слова, ещё и понимание недельного цикла в календаре, использование календаря и т. д.^[16]).

3. В акте внимания сегмент расширен до универсума «Всё» («универсум»). «Внутреннее» абстрагирование объекта «кухонный стол» по свойству «иметь применение» даёт объект, единственным качеством которого является «быть столом» (вообще, т. е. без какого-либо аспекта применимости). «Внешнее» абстрагирование этого же объекта в аспекте «Всего» даёт объект, способом бытия которого в «универсуме» является его значение как «стольность». Эта самая «стольность» создаёт некое своеобразие присутствия в актуальном бытии. Итак, в нашем случае, объект с качеством «быть столом» и объект, присутствующий как «стольность» в очерченном нами регионе бытия, – это две разные формы абстракции в «универсуме».

Таким образом, в зависимости от «размера» сегмента реальности, имеем три формы абстракции объекта: 1. собственно объект (в «ситуации»), 2. понятие-концепт (в «со-бытии») и 3. «объект вообще» с качеством или своеобразием своего присутствия в «универсуме». Все три формы имеют два разных способа манифестации, зависящие от структуры актуального свойства, – это «внешнее» и «внутреннее» абстрагирование. Исследуем сказанное на примере понятия-концепта «цвет».

Формы абстракции цвета. В восприятии цвет предмета для субъекта («Я») в ситуации имеет место только как цветовой текст. Последний представляет собой структуру, состоящую из двух связанных друг с другом частей: содержания (внутренний контекст) и того ситуативного окружения, в который он помещён (внешний контекст). Последний

представляет собой условия, позволяющие «Я» цветовой текст воспринимать, благодаря чему он становится видимым. К ним относятся, в частности, освещение, контрастный фон с окружающим визуальным пространством, необходимый угол зрения, допустимая влажность воздуха, приемлемое расстояние от субъекта до воспринимаемого им цветового текста и т. д.

Совокупность цветовых текстов, данных для «Я» или для Другого (Других, как самобытных «Я»), в самых различных ситуациях образует цветовую реальность. Отметим, что о цветовых текстах говорим в аспекте восприятия конкретным «Я» или Другим, а о цвете – в аспекте коммуникации, как о социальном явлении. Таким образом, цветовой текст и цвет, имеют разные модусы бытия. И то и другое составляют, в сущности, понятие-концепт «цвет».

Объекты цветовой реальности могут иметь следующие формы абстракции: 1. конкретный цвет (для Другого, Других) или цветовой текст (для «Я»), далее, 2. категория цвета (действует в коммуникации) и, наконец, 3. цветность вообще. Все указанные формы целиком зависят от граничных условий конституирования, определяются поставленной задачей или вмещающим целым. Перечисленные формы абстракции цвета встречаются на каждом шагу. В восприятии мы видим цветные предметы, и тут же взгляд может коснуться предметов серого цвета (он имеет более высокую степень абстракции). Далее, в коммуникации воспринимаемая субъектом («Я») ситуация задана во всей её полноте, но в сообщении (для Другого или Других) она абстрагируется, высказываются лишь общие её знаковые очертания, в том числе и цвет предметов. Поэтому для того, чтобы донести до Другого (Других) сообщение об увиденном цвете, «Я» должен произвести абстрагирование цвета и высказаться (в языковой реальности), прибегая к другой форме абстракции цвета – категориям. А цветность, как абстракция, имеет место всюду, где «Я», Другой или Другие предполагают бытие какого-либо цвета.

«Внешнее» абстрагирование концепта «цвет» производится на основе анализа вмещающего системного целого. Это выражается в конституировании цвета в соответствующем сегменте. Соответственно, абстрагирование здесь представляет собой отвлечение от какого-то внешнего фактора (параметра ситуации, влияющего на конституирование цвета).

«Внутреннее» абстрагирование понятия «цвет» производится по свойству «быть цветным». И здесь важно учесть, что субъект изначально где-то уже находится (присутствует), соответственно, ситуативное окружение ему уже дано как данность, т. е. условно считаем, что оно стабильно и неизменно. «Внутреннее» абстрагирование производится по тону, яркости или насыщенности, т. е. по тем составляющим, которые формируют содержание цвета предмета. Соответственно, абстрагирование по свойству «быть цветным» может быть произведено по трём направлениям – как отвлечение от тона, от насыщенности или от яркости. Отсутствие тона в триаде «тон-насыщенность-яркость» приводит к конституированию цвета как ахроматического. Отсутствие яркости (светлоты, «внутреннего освещения» содержания) приводит к черноте, предмет в этом случае интендируется как чёрный (без яркости). Отсутствие насыщенности (цвет определяется только тоном и яркостью) приводит к белизне какой-либо степени яркости (ненасыщенный тон с какой-то яркостью). В любом случае, отсутствие хотя бы одного параметра из указанной триады приводит к ахроматизму, т. е. бесцветности. Таким образом, бесцветность (ахроматизм) для «Я» возникает из-за неполноты содержания (внутреннего контекста). Более подробно об этом см. Кузьмин В. Г. [\[9\]](#). В силу этого ахроматические цвета не только более фундаментальны по своей сущности, но и более

абстрактны.

В соответствии с «размером» сегмента имеем следующие формы «внешней» и «внутренней» абстракции цвета.

1. Конкретный цвет. Сегмент – «ситуация». «Внутреннее» абстрагирование. Восприятие цвета производится на основании конкретности. По словам Дж. Л. Кайвано^[18], цвет – это континуум восприятия. Видимый цвет есть его выделение из какого-то пребывающего в бытии (в потенции) континуума цветов. Цветовой континуум – это, по его словам, всё то, что вмещает в себя какие-то цвета, начиная с ахроматических и кончая всем многообразием монохромных. Это тот самый «многогранник» свойства «быть цветным». Из него в акте внимания актуализируется только какая-то одна его грань: в цветовом континууме субъекту дан только один какой-то цвет или несколько (в рамках цветового текста). Цветовой континуум обусловлен соответствующими граничными условиями восприятия – это особенности самого субъекта («Я») в восприятии: его физиологическое, психическое, эмоциональное состояние, эстетические предпочтения, а также горизонт его понимания. Если в «ситуации» задаётся свойство «быть цветным», то в акте внимания актуализируется конкретный цвет предмета. Другие проявления этого же свойства в «ситуации» будут возможны, незримы (в воспоминании, например). И соответственно, для одного субъекта («Я») этот континуум будет одним, для Другого – другим, всё зависит от возможностей восприятия самих субъектов.

В литературе по психологии восприятия описывается такой мысленный эксперимент. Некая Мэри всю свою жизнь прожила в окружении чёрно-белых предметов, при этом она хорошо понимала, что такое цвет, ей постоянно об этом говорили: спелые томаты красные, небо голубое и т. д. И вот однажды её выпустили в свет, в цветной мир. Что она ощутит, какой для неё будет цветной мир? Выяснить этот вопрос – основная цель эксперимента (об этом эксперименте, в частности, см. Казаков М. А.^[7]). Проведём, однако, обратный мысленный эксперимент («Анти-Мэри»): некий субъект всё жизнь привёл среди цветных предметов. И однажды его поместили в мир черно-белых вещей: это те же самые вещи или какие-то другие, но имеющие только ахроматический цвет (серый). Каким для него будет окружающий мир? Что такое для него будет цветность? Предметы не будут иметь тона, нельзя будет определить какого именно они цвета. Более точно: содержание соответствующего цветового текста будет неполным, и это связано не только с отсутствием тона, но может быть следствием отсутствия яркости или насыщенности. В любом случае это будут ахроматические цвета. Мир для него будет лишь светлым или тёмным. Что это как ни абстрагирование по актуальному свойству «быть цветным»? Любопытно, что с таким абстрагированием мы встречались в эпоху чёрно-белого телевидения. Какого цвета были предметы в фильмах про Деточкина или Штирлица в той или иной ситуации – всё это можно было лишь домысливать, нам же показывали только различающееся по светлоте предметы и ничего более. Чёрно-белое (ахроматическое) представление цвета предметов – это более абстрактное представление цвета в ситуации, нежели полихроматическое.

«Внешнее абстрагирование» для «Я» зависит от ситуативного окружения (внешнего контекста), в рамках которого цветовой текст конституируется, и определяется граничными условиями восприятия. Отвлечение хотя бы от одного из компонентов внешнего контекста приводит к тому, что цветовой текст для «Я» становится невидимым (например, нет освещения или расстояние до предмета слишком большое и «Я» не может разобрать его цвет и т. д.). В этом случае «внешнее» абстрагирование приводит к

следующим абстрактным формам цвета: видимый цвет (имеет место при полном наличии условий для видения, т. е. при полном внешнем контексте) и невидимый цвет – при отсутствии какого-либо фактора внешнего контекста. Значение цвета для «Я» здесь выражается через вписанность предмета, имеющего какой-то цвет, в ситуацию.

2. Категория цвета. «Со-бытие». «Внутреннее» абстрагирование по актуальному свойству, например, «быть красным» порождает новый более «узкий» континуум свойства: «быть цветным, кроме красного». Иными словами, соответствующее актуальное свойство конкретизируется. В этом состоит некий парадокс: чтобы абстрагироваться (в нашем случае – отвлечься от красноты) надо конкретизировать соответствующее актуальное свойство («быть цветным, кроме красного»). Это при условии, напомним, что мы всё время присутствуем во вмещающем континууме свойства «быть цветным», которое, собственно, и порождает цветность вообще.

Говоря об этом виде абстрагирования, Г. Ланц пишет, что для красного цвета «более ничего нельзя абстрагировать, так как он, в качестве особого единичного момента, является последним продуктом абстракции». Для него «быть красным» – это и есть «всеобщий признак». «...Мы способны конкретно мыслить лишь отдельное проявление красного цвета, либо последовательность отдельных проявлений подобного рода, например, последовательность оттенков красного; мы не способны представить красный цвет вообще и не способны выделить его из реальной вещи, поскольку он реально в ней не содержится»^[11]. Абстрагирование происходит не вообще, а именно по заданному свойству и только в пределах указанного сегмента. Объект по присущему ему свойству «быть красным» в абстракции будет иметь свойство «быть цветным» в цветовом континууме. Отвлечёмся от признака «красный», тогда объект красного цвета в абстрагировании потеряет красноту, он станет просто светлым или тёмным, т. е. – ахроматическим. При этом он остаётся носителем свойства «быть цветным». Вопреки мнению Г. Ланца, абстрагирование красноты не финальное, оно может быть произведено дальше, но собственно красноты уже не будет, будет ахроматизм (серый цвет). «Внутреннее» абстрагирование, как видим, производится либо по присущему объекту цвету, либо по не присущему. Представим себе, что нам дан в понятии объект, например, «зелёное яблоко». Абстрагирование по свойству «быть красным» приводит к тому, что данный в понятии объект остаётся неизменным. Отвлекаемся от красноты зелёного яблока, получим то же самое зелёное яблоко. Таким образом, абстрагирование по неприсущему объекту свойству «быть такого-то цвета» (красным, зелёным и т. д.) ни к чему не приводит. Напротив, абстрагирование по присущему свойству приводит к цветности объекта, т. е. к его ахроматизму. Например, исходный объект: «зелёное яблоко». Абстракция по присущему ему актуальному свойству «быть зелёным» есть объект «цветное яблоко» (без указания тона, т. е. по своей сути ахроматическое (бесцветное) «цветное яблоко», как бы это парадоксально ни звучало).

«Внешнее абстрагирование» приводит к концепту «цвет», среди применений которого будет выявление вписанности категории цвета в конституируемый сегмент реальности, т. е. в «со-бытие». Для категорий цвета ситуативное окружение выражается в правильности применении категорий цвета в соответствующих «со-бытиях». В языковой реальности это выражается через правильность сочетаний слов-колоративов с другими частями речи; в цветовой реальности – через достижение колорита, согласованности тонов цветового ряда в визуальном. При этом категория цвета, обозначаемая в сообщении, обусловлена конституированием для Других, и, кроме того, она определяется теми аспектами применения и значения, которые содержит в себе (как фрейм). Для Другого (Других) «внешнее» абстрагирование происходит всякий раз, когда

хотим кому-то объяснить какого цвета тот или иной предмет. Для этого мы обращаемся к категориям цвета. Для «Я», формулирующего высказывание для Другого (Других) абстрагирование цвета в языковой реальности приводит к представлению о цвете, точнее, к понятию о цвете: «голубой», «красный» и т. д. При этом полагаем, что Другому (Другим) эти понятия известны. По сути дела, категория цвета – это некий «двуликий Янус» в абстрагировании цвета. Она есть результат как «внешнего», так и «внутреннего» абстрагирования понятия-концепта «цвет». Категория цвета имеет место в коммуникации, дана как для «Я», так и для Другого (Других), соответственно, она носит объективный характер, в отличие от цветового текста, данного конкретному «Я». В этом случае объективация бесчисленного множества ситуативных окружений (внешних контекстов) каких-либо цветовых текстов для любого субъекта приводит к их игнорированию.

3. Цветность. «Универсум». Цветность имеет место тогда, когда нет конкретной ситуации. Если не задано ситуативное окружение цветового текста, то «Я» конституирует не конкретный цвет или категорию, а многообразие цветов сразу или их отсутствие (например, когда указано в сообщении, что предмет цветной, но не указано какого именно он цвета). В этом случае говорим о цветности. В пределах цветности производится любая визуализация. С точки зрения оптики цветность заключена в солнечном луче. При прохождении этого луча через светофильтр, призму или дифракционную решётку такая цветность приобретает конкретность в зависимости от ситуации, от угла зрения и других параметров эксперимента. Получаем отдельные цвета, как части целого (солнечного луча). Между тем, абстрагирование цветности, как объекта, приводит к самой же цветности, в этом плане она автореферентна. Поэтому в указанном сочетании (цветность – «универсум») речь пойдёт об абстрагировании какого-либо цвета в рамках цветового континуума. В соответствии с этим, «внутреннее» абстрагирование имеет место для «Я» – в воспоминании или представлении, для Другого (Других) – в исторических свидетельствах. Это означает, что в «универсуме» («Всё» и «Ничто») цвет предметов вообще есть или его нет. Единственным качеством предметов во всех этих случаях является их цветность, т. е. они цветные. Эта же форма абстракции имеет место и в том случае, если о цвете ничего не сказано или нечего сказать, в силу того, что сами предметы абстрактны. Последнее, имеет место, например, в задачах по стереометрии – допустим, вычислить объём шара, вписанного в куб. Цвет этих абстрактных предметов, как видим, не указан. То же самое имеет место в литературном повествовании, когда не указывается цвет предметов (они уже абстрагированы по свойству «быть цветными»). Такое абстрагирование имеет место в умозрении или обсуждении при работе с понятиями, не имеющими отношения к цвету в заданном сегменте. Цвет предметов в этом случае можем лишь предполагать, в этом смысле абстрагирование цветности напоминает некую экстраполяцию ранее видимого. В определённой мере М. Мерло-Понти прав, когда говорит об абстракции как экстраполяции существования [\[13, с. 238\]](#).

«Внешнее» абстрагирование. Если ситуативное окружение никак не определено (не задано, о нём не идёт речь), то цвет предмета, присутствующего в бытии, может быть каким угодно или не иметь никакого (это и есть форма абстракции – «цветность», как особое своеобразие присутствия в «универсуме»). В этом плане цветность формирует границу нашего бытия, за которой актуализация цвета предметов не происходит. Для Другого (Других), «внешнее» абстрагирование цветности фундирует применимость (значение) в «универсуме».

Все три формы абстракции цвета тесно взаимосвязаны друг с другом. И отделить одну от

другой в реальной жизни довольно сложно. Конкретный цвет актуализируется, исходя из цветности (как потенции), на основании «тут-бытия». Для «Я» ситуация обусловлена факторами, задающими бытие в ней цветового текста (содержание и ситуативное окружение, граничные условия конституирования и восприятия). Например, субъект видит предмет какого-то цвета. Он присутствует в континууме свойства «быть цветным», т. е. в «цветности», его внимание выхватывает из многообразия потенциальных цветов какой-то один цвет, конкретность которого проистекает из бытия цветового текста именно в этой ситуации. То или другое состояние цветности для предмета «просвечивается» через «решётку определённости», благодаря чему он в акте внимания конституируется как имеющий какой-то конкретный цвет. Эта «решётка определённости», собственно, и характеризует сегмент как целое, в рамках которого цвет предмета актуален для субъекта («Я» или Другого). В. Ф. Асмус подчёркивает: «Ни один предмет и ни одно свойство не существует без того, чем обуславливается их существование. Если существует предмет, то должны существовать и условия, которые сделали его появление необходимым» [1, с. 13]. Наше мышление, изучая те или иные объекты, всё время находится в многообразии изучаемых свойств. И в этом многообразии только одно свойство – «быть цветным» (в «многограннике» актуального свойства) – в интенции наделяется определённой: т. е. оно дано «здесь и сейчас» для «Я» или для Другого (Других). «Мышление есть абсолютный континуум полаганий чего-либо в его определённости» [12]. Как для отдельного предмета или для класса однотипных предметов достигается определённая? По Н. Гартману она подразделяется на два аспекта: во-первых, собственно определённая (вот-бытие), определяемая через дефиниции, и, во-вторых, данность (так-бытие), определяемая (актуальным) свойством. При этом имеется в виду:

а) вот-бытие цвета: «во всяком сущем есть момент вот-бытия. Под этим следует понимать <...> лишь «тот факт, что оно вообще есть» [2, с. 234]. Здесь цвет есть идеальность (цветность). В нашем случае, при абстрагировании в сегменте определённого «размера» вот-бытие определяет собственно само бытие «многогранника» актуального свойства в интенции при абстрагировании;

б) так-бытие цвета: «эта «сущность» включает в себя все содержание, вплоть до наиболее индивидуальной дифференциации» [2, с. 234]. В так-бытии цвет обретает конкретность в модусе «здесь и сейчас» для «Я» или для Другого (Других). Так-бытие обозначает конкретность актуального свойства, т. е. его «повёрнутость» для субъекта какой-то гранью соответствующего «многогранника», вписанного в «ситуацию» (в «со-бытие» или в «универсум»). Так-бытие цвета может быть каким-то образом обозначено, указано, названо.

Цветность определяется в бытии всевозможными цветами не фактуально. «В вот-бытии чего-то всегда существует именно лишь фрагмент так-бытия» [2, с. 307]. В то же время конкретный цвет уже бытийствует в цветности, как потенция. В цветности не учитывается сам «дифференциальный» принцип феноменологии: конкретность сущего. Вот-бытие цвета есть его определённая, а так-бытие цвета есть его реализация в конкретной ситуации. На это же указывает А. А. Исаев, он определяет цветность как его вот-бытие, а конкретный цвет – как его так-бытие [4].

Мы рассмотрели процедуру абстрагирования цвета лишь для основных сочетаний объект – «сегмент реальности». Своеобразие абстрагирования для понятия-концепта «цвет» в остальных комбинациях (конкретный цвет – «со-бытие», конкретный цвет – «универсум»,

категория цвета – «ситуация», категория цвета – «универсум», цветность – «ситуация», цветность – «со-бытие») может быть выведено из обозначенных выше основных.

Абстракция серого цвета. Отдельные (монохроматические, в том числе серые) цвета мы практически никогда не наблюдаем. Для «Я» в любой ситуации цвет предмета – это всегда цветовой текст. И этот цветовой текст разворачивается для зрителя по-разному в трёх отличающихся друг от друга по «размеру» сегментах реальности. Для серого цвета имеем следующие формы абстракции:

1. в «ситуации», проявляет себя через дополнительность и контрастность цветов в восприятии (для «Я»);
2. в «со-бытии» – серый цвет в модусе «там и тогда», историзм и социальность цвета для Другого (Других). Простой пример: античные скульптуры первоначально были окрашенными. Однако для нас они сохранились в ахроматическом (сером) цвете, в силу этого они выглядят более абстрактно, нежели в те далекие времена;
3. в «универсуме» – серый цвет между двумя крайностями: «Всё» и «Ничто»; порождает различие монохромных цветов по светлоте и насыщенности.

Во всех трёх случаях серый цвет имеет решающее значение. В этом его ценность и необъяснимая загадка. Существо ахроматического (серого) цвета лежит в основе всех явлений в восприятии цветного мира (контрастность и дополнительность, гармония цветов и т. д.). И. Иттен в своей знаменитой книге выявляет главную особенность нейтрального (серого) цвета: с помощью него достигается равновесие (гармония цветов). Зритель видит отдельные цвета, которые для него уравновешены, гармоничны. Согласно его определению, «два или более цвета являются гармоничными, если их смесь представляет собой нейтральный серый цвет. Все другие цветовые сочетания, которые не дают нам серого цвета, по своему характеру становятся экспрессивными или дисгармоничными» [6, с. 22]. Он подчёркивает своеобразную абстрактность ахроматических цветов. «Каждый отдельный цвет, благодаря специфике восприятия заставляет глаз стремиться к всеобщности. И затем, для того, чтобы добиться этого, глаз, в целях самоудовлетворения, ищет рядом с каждым цветом какое-либо бесцветно-пустое пространство, на которое он мог бы продуцировать недостающий цвет. В этом проявляется основное правило цветовой гармонии» [6, с. 23]. Это самое «бесцветно-пустое пространство» и есть ахроматическое (серое) визуальное пространство. Если основной характеристикой конкретного цвета считать тон, то добавление ахроматического (более абстрактного) цвета делает этот тон менее узнаваемым, а цвет менее конкретным (но более абстрактным в континууме свойства «быть цветным»). Отметим, что континуум свойства «быть цветным» несет в себе свою оригинальную процедуру абстрагирования: оно производится не вообще, а в его пределах путём добавления ахроматических цветов. И. Иттен пишет о том, что добавляя к цвету белый или чёрный, он теряет присущую им насыщенность [6, с. 58-59]. Чистые цвета сглаживаются или сгущаются. Цвет становится более абстрактным в цветовом континууме. «Серый цвет – это бесплодный, нейтральный цвет, жизнь и характер которого находится в зависимости от соседствующих с ним цветов. Он смягчает их силу или делает их более сочными. В качестве нейтрального посредника он примиряет между собой яркие противоположности, одновременно поглощая их силу и тем самым, подобно вампиру, обретая собственную жизнь. ...В противоположность живой вибрации многообразия хроматических цветов, ахроматические производят впечатление жёсткости, недоступности и абстрактности» [6, с. 42].

Серый цвет абстрактен уже по своей физической природе. Как отмечает М. В. Исаева, белый и чёрный цвета – это идеальности (абстракции). «В природе нет черного и белого цветов, есть только серые цвета»^[5]. Рядом с чёрным можно сопоставить ещё более чёрный цвет. А для белого цвета найдётся ещё белее, чем уже данный. Поэтому чёрный и белый цвета в идеале недостижимы, хотя и мыслимы. Похожую мысль в своё время высказывал И. Гёте^[3, с. 133]. Вопрос же о том, существует ли, например, абсолютно красное тело, которое отражало бы все лучи, кроме красного, некорректен, поскольку красный цвет – это некоторый интервал в спектре: есть тёмно-красный, светло-красный и т. д. Поэтому по степени отражательной способности абсолютно красных или абсолютно синих тел и др. не бывает. Так, красный – это, вообще говоря, идеальность (т. е. категория). Он даже не может быть мыслим, поскольку красный всегда мыслится с каким-то тоном, как частность красного, например, багряный, малиновый и т. д. То же самое можно сказать и о любом другом монохроматическом цвете, выражаемым посредством категории. Если в отношении чёрного можно сказать: сделаем ещё чернее, то в отношении красного такого сказать нельзя.

Неосознанный процесс абстрагирования происходит при непосредственном видении цветового текста конкретным «Я». Рассмотрим ситуацию, вполне типичную в недалёком прошлом. Зритель смотрит чёрно-белый фильм по телевидению, на нём сконцентрировано его внимание. Показываемые ему вещи по свойству «быть цветным» носят абстрактную природу, поскольку различаются только по светлоте (ахроматический – серый – цвет). Однако, чёрно-белый экран занимает лишь часть его визуального обзора. Взгляд зрителя сосредоточен на абстрактном сером цвете, а окружающий фон – цветной. Воспринимаемый им цветовой текст представляет собой очень сложное образование, вмещающее в себя не только формы и цвета, но также их глубины по мере абстракции. Во взгляде сознание зрителя стремится нивелировать такие глубины абстракции, сделать их на одном «уровне», в силу этого цвет воспринимаемых предметов становится более конкретным, как данный в «тут-бытии». Для упрощения мыслительной деятельности конкретность воспринимаемого не должна быть утяжелена процедурами абстрагирования. В силу этого становятся важными такие феномены как дополнительность и контрастность цветов. При визуальном восприятии сознание стремится к гармоничному восприятию разнородных цветов, оно само генерирует тот цвет, которого для такой гармонии ему не хватает в видении. В этой связи очень велика роль ахроматического цвета (серого с градациями от белого до чёрного). Серый цвет, как более абстрактный, сознание зрителя стремится элиминировать, поставить его в один ряд с другими цветами: красным, синим, зелёным и т. д.

Но каким же образом серый, как более абстрактный цвет, становится конкретным в ситуации? Во-первых, он привлекает к себе оттенки, порождаемый близлежащим цветом, и благодаря этому становится более конкретным. Во-вторых, серый цвет не соответствует какому-то одному монохромному интервалу в цветовом спектре. Если о красном цвете можно сказать, что он соответствует длине волны электромагнитного излучения приблизительно в диапазоне 625-740 нм, то серому цвету соответствует весь видимый спектр сразу, поэтому он более абстрактен, по сравнению с тем же красным цветом. Серый цвет, по сути, соответствует видимости вообще, а не просто видимости только красного или какого-то иного цвета. Видимое, таким образом, можно условно разделить на две асимметричные части: монохромные цвета (цветовой спектр) и ахроматические цвета. Первая часть есть «видимое в частности» (конкретные цвета), а вторая – есть «видимое в целом» (серый цвет).

Абстрактность серого цвета говорит о том, что может быть абстракция не только понятий

и умозрительных вещей вообще, а абстракция в самом восприятии воспринимаемых зрением единичных вещей, например, картин живописи. Думаю, что эстетическое чувство красоты во многом опирается именно на такого рода абстракцию. Когда субъект смотрит, например, на красный предмет, он уже относит его к какой-то категории. Если речь идёт о красном, то имеют в виду именно красноту этого предмета, т. е. не фактическое положение дел, а идею. Рассматривая отдельно цвет, мы имеем в виду именно понятие «краснота», «белизна» и т. д. И это отнесение к категории производится мгновенно в том же акте внимания. М. Хайдеггер пишет о том, что наше восприятие соизмерено с суждением в том же акте внимания. «Фактически даже самые простые наши восприятия и схватывания всегда уже выражены, и более того, определенным образом проинтерпретированы. Изначально и впервые мы не столько видим предметы и вещи, сколько говорим о них, точнее, мы с самого начала говорим о вещи не то, что видим в ней, но напротив: видим в ней то, что о ней говорят другие»^[17, с. 61]. Но это предполагает, что субъект присутствует в сообществе, и своё суждение строит в интерсубъективности (для Другого или Других). Хайдеггер пишет, что в интенциональном акте уже присутствует категориальное созерцание. Оно «является составным моментом всякого конкретного восприятия»^[17, с. 53].

Почему фотографы-художники предпочитают черно-белые снимки? Потому что чёрно-белые фотографии более абстрактны по сравнению с цветными, они возносят к идеальному практически сразу. Чёрно-белая фотография фактически становится оторванной от конкретной ситуации и представляется нам в идеализированном состоянии. Это позволяет зрителю сосредоточиться на целом: композиции, форме, светотени и т. д., т. е. на эстетических достоинствах, а не блуждать взглядом по соотношению главного и второстепенного в поисках конкретности. В таких фотографиях абстракция серого цвета обусловлена неисчислимым множеством градаций от очень чёрного до ослепительно белого. Это позволяет с её помощью передать в упрощённом виде сюжет увиденного.

Заключение. В статье показаны особенности абстрагирования объектов, изложенные в точки зрения феноменологического подхода. Абстрагирование производится в рамках необходимого сегмента реальности, на который направлена активность субъекта (в методологии – в интервале абстракции). При этом, от того насколько он широк зависит степень абстракции объекта. При этом операция абстрагирования может быть произведена двояко: как абстрагирование по содержанию («внутреннее») и как абстрагирование по вмещающему системному целому («внешнее» абстрагирование). В применении к цвету имеем следующее. Для каждого «Я» цветовой текст – это структура, состоящая из двух компонентов: внутренний контекст (содержание) и внешний (ситуативное окружение). Соответственно, когда говорим об абстрагировании, то в указанных связках актуальный сегмент реальности (именно цветовой реальности) выражается через «ситуацию», «со-бытие» (связанных ситуаций) и «универсум». Актуальное свойство предмета «быть цветным» реализуется в ситуации в рамках существующего объемлющего (цветного или ахроматического) целого – цветовой реальности. Абстрагирование цвета даёт три формы абстракции: цветность, категория цвета, конкретный цвет. Это цветовая реальность в интенции (в акте внимания) для каждого «Я» (в том числе и для Других, как самобытных «Я») дана всякий раз как цветовой текст (в «ситуации»). Далее, она дана как «со-бытие»: для «Я» это последовательность цветовых текстов на каком-то временном промежутке (характерно для создателей цветовых текстов – художников, модельеров, дизайнеров; они выбирают необходимые цвета, исходя из всего многообразия цветов (континуума цветности)). Для Другого (Других) «со-бытие» в цветовой реальности – это последовательность

впечатлений и мнений, передаваемых в коммуникации, выражается через привязанную к фиксированному положению дел категорию цвета; обуславливает историзм и социальность цвета в социуме. И, наконец, цветовая реальность дана как «универсум» («Всё» или «Ничто» без привязки к конкретной ситуации, речь идёт вообще о цвете в каком-либо аспекте); имеет место для «Я» и для Другого (Других) как коннотация того, что цвет вообще есть или его нет. Мы выявили, как происходит «внутреннее» и «внешнее» абстрагирование для цвета, отметили важность абстракции серого цвета, как в повседневной жизни, так и в эстетике (живописи).

Библиография

1. Асмус В.Ф. Логика. М.: УРСС, 2001. 392 с.
2. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
3. Гёте И.В. Очерк учения о цвете / Гёте И. В. Избранные философские сочинения. М.: Наука, 1964. С. 130–135.
4. Исаев А.А. Феномен цвета в контексте бытия человека: опыт философского анализа: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.01 / Исаев Александр Аркадьевич. – Магнитогорск, 2006. – 139 с.
5. Исаева М.В. Цвет в культуре человеческого бытия // Вопросы культурологии. 2010. №11. С. 91–95.
6. Иттен И. Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2004. 95 с.
7. Казаков М.А. Узнает ли Мэри хоть что-нибудь новое // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 43. №1. С. 98–111.
8. Креминский А.И. Интервальная методология в контексте практической философии // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7(73). №3. С. 82–96.
9. Кузьмин В.Г. Двухуровневость восприятия и модусы цвета. Контрастность и дополнительность цветов // Философская мысль. 2021. № 10. С. 11–21.
10. Лазарев Ф.В. Интервальная методология: логики становления, базовые концепты и методы // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. Т. 2 (68). №3. С. 135–148.
11. Ланц Г. Интенциональные предметы. [Электронный ресурс], URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1997_09/03. (23.08.2022).
12. Лосев А.Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы мышления // Вопросы философии. 1998. №8. С. 144–152.
13. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
14. Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016. №2. С.85–94.
15. Новосёлов М.М. Логика абстракции (методологический анализ). Часть 1. М.: ИФРАН, 2000. 191 с.
16. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
17. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
18. Caivano J.L. Color from a gradualist perspective // AIC Interim Meeting, 25–29 September 2018. Lisbon, Portugal. [Электронный ресурс], URL: Социальная сеть «ResearchGate»,

https://www.researchgate.net/publication/330145359_Colour_from_a_gradualist_perspective (14.09.2019).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая статья посвящена достаточно интересной, но мало представленной в современной отечественной философской исследовательской среде теме абстрагирования объектов. С одной стороны, это тема логического исследования, и есть много работы, рассматривающих различные аспекты процесса абстрагирования, но, с другой стороны, можно согласиться с автором, что в аспекте феноменологии такая процедура в полной мере не проработана. Разве что можно упомянуть работы Л.А. Микешиной и ее концептуальные подходы к анализу данной темы, которая хоть и восходит еще к Аристотелю, но тем не менее вызывают живую дискуссию среди специалистов, причем не только логиков, но и смежных специальностей - например, психологов, социологов, культурологов, политологов и т.п.

Актуальность данного исследования в том, что оно выполнено на основе когнитивного подхода к объекту изучения, который предполагает использование логики, философии, психологии, информатики и других дисциплин для того, чтобы решать проблему концепта и его вербализации. Новизна работы в том, что анализ репрезентации концепта "цвет" в художественном тексте позволяет вскрыть новые аспекты и компоненты самого понятия "концепт".

Предметом исследования послужила репрезентация концепта "цвет" в тексте художественной прозы, представленная в виде функционально-семантического поля. Все цветообозначения объединены в упорядоченное множество единиц, обладающих общим цветовым значением, расположенное вокруг семы, представленной прилагательными основных (абстрактных) цветообозначений, не связанных с производной основой, имеющих широкую сочетаемость и стилистически нейтральных. В настоящее время одним из актуальных направлений науки является выработка подходов к формированию концептов и констант общекультурологического характера. Поскольку концепт - явление сложное, важно выделение в составе любого концепта частей инвариантных, узуальных и вариативных, окказиональных. Выделение этих компонентов в культуроспецифическом концепте "цвет" имеет общетеоретическое значение, поскольку это существенно и при анализе других концептов, а такой традиции еще нет. При применении методов лингвистики и когнитивистики в единстве предложены некоторые новые аспекты лингвистического анализа текста. Это может быть использовано в методическом плане - в связи с внедрением когнитивного подхода в практику, а также для выработки навыков осмысленного выбора языковых средств в зависимости от коммуникативной целесообразности. Работа по вычленению инвариантной и вариативной части концепта "цвет" имеет значение и для лексикографической практики, так как вносит некоторые коррективы в отражение узуального и окказиональных значений цветообозначений в словарях.

Цвет является концептом, так как его смысл не исчерпывается денотативным значением, зафиксированным в словарях. Понятие "цвет" многоаспектное, сложное по структуре; оно передает не только зрительное ощущение, но и целый комплекс коннотативных наращений, экспрессивных ощущений и ассоциативных реакций, придающих слову дополнительный смысл, зачастую на уровне подсознания. Кроме стабильных, общих для большинства, реакций на тот или иной цвет или цветовое сочетание, существуют и

специфические, непостоянные реакции, индивидуальные для разных языковых личностей и даже для одной и той же личности на протяжении разных этапов ее развития. Эта часть концепта "цвет." зависит от опыта, мировоззренческих установок и эмоционального настроения личности; она может быть вычленена в ходе интерпретационной работы с конкретными текстами, в том числе и с художественными, произведениями автобиографического характера. Эти произведения дают благодатный материал для концептуального анализа, так как в задачу автора входит показ реальной картины мира с точки зрения личности, находящейся в процессе становления, отражение ее опыта, воли, фантазий и эмоций.

Представляется, что исследование может быть продолжено в трех направлениях:

во-первых, описание концепта "цвет" на материале других художественных произведений; во-вторых, изучение концепта "цвет" в онтогенезе, в том числе и на материале детской речи;

в-третьих, описание других концептов на основе принципов, предложенных в данной работе.

Работа хорошо аргументирована, но стоит обратить внимание, что для понимания текста требуется определенная тематическая подготовка читателя, причем присутствуют отсылки как к точкам зрения сторонников подхода автора, так и апелляция к контраргументам. Представлена довольно обширная библиография, отражающая современное репрезентирование проблемы. Представляется, что статья будет интересна определенной части аудитории журнала.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Суслов А.В., Гусев Д.А. — Мост через бездну? Цифровизация и трансгуманизм как новая антропологическая и социальная реальность в контексте мировоззренческих поисков личности (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Философская мысль. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.7.39835 EDN: UIUYEI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39835

Мост через бездну? Цифровизация и трансгуманизм как новая антропологическая и социальная реальность в контексте мировоззренческих поисков личности (историко-философский и общетеоретический аспекты)

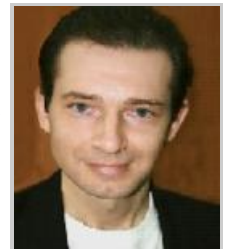
Суслов Алексей Викторович

кандидат философских наук

доцент кафедры философии Российского Государственного Социального Университета; доцент
кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского Университета им. С.Ю. Витте

123995, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1, каб. 420

✉ suslov.aleksei@mail.ru

Гусев Дмитрий Алексеевич

доктор философских наук

профессор, Московский педагогический государственный университет; Московский университет им.
С.Ю. Витте; Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

115432, Россия, г. Москва, ул. 2-й кожуховский проезд, 12, стр.1, оф. 317

✉ gusev.d@bk.ru

[Статья из рубрики "Циклы и волны глобального мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.7.39835

EDN:

UIUYEI

Дата направления статьи в редакцию:

23-02-2023

Аннотация: Одним из главных экзистенциалов человека является факт его смертности и, главное, – его знание об этом, которое неизбежно приводит каждого, так или иначе, к мысли о преодолении смерти, к идее бессмертия, или – спасительного моста через бездну небытия, который соединяет нынешнее бытие человека с будущим его бытием. В поисках этого моста человек говорит о различных «вариантах» бессмертия: физическом

(натуралистическом); биологическом; социальном; научно-техническом, технологическом и технократическом; религиозном – христианском провиденциальном бессмертии. Совокупность социально-философских и антропологических концепций, группирующихся вокруг идеи научно-технологического усовершенствования человеческой природы, значительного продления жизни и, – в пределе, – преодоления смертности, представляет собой одно из современных направлений философской мысли, известное как трансгуманизм. В статье предпринимается попытка рассмотреть трансгуманизм в широком идейном контексте материалистически-атеистического, сциентистского, позитивистского и эволюционистского проекта, который, в целом, базируется на постоянно присутствующем в философских поисках человечества «многоликом» антроповолунтаризме; а также – проанализировать трансгуманистические идеи с позиций противоположного – идеалистически-теистического, креационистского, антипозитивистского мировоззренческого лагеря, – опирающегося на провиденциализм, который на протяжении веков и – в настоящее время – оппонирует антропоцентрическому волунтаризму и трансгуманизму. Предпринимаемое исследование имеет целью – в контексте многовековой полемики между антроповолунтаризмом и провиденциализмом – выяснение реальности или иллюзорности предлагаемых стратегий бессмертия, поиск действительного моста, ведущего человека и человечество через бездну грозящего ему небытия.

Ключевые слова:

трансгуманизм, постгуманизм, сциентизм, антисциентизм, позитивизм, постпозитивизм, материализм, Христианство, антропологический волунтаризм, провиденциализм

Введение

В настоящее время всё чаще поднимается вопрос о возможностях и пределах вмешательства со стороны науки в естественно-биологические процессы, включая природу и тело человека. Обсуждение этих проблем концентрируется преимущественно вокруг трансгуманизма – научно-философского направления, которое исследует процессы совершенствования способностей человека, повышения его физического и интеллектуального потенциала, обретения бессмертия на основе научно-технических достижений.

Актуальность обозначенной темы связана с прогрессом и неоднозначным характером развития естественнонаучного знания, особенно биомедицинских наук и цифровых технологий, а также с усилением влияния трансгуманистического мировоззрения на социально-экономическую и политическую жизнь на фоне возрастающего кризиса духовного бытия человека в современном мире. Вопрос о допустимости и пределах изменения человеческой природы является экзистенциально-важным, ибо речь идёт о сохранении самого человека в единстве его биологических, социальных и духовных качеств. Современные технологии способны быстро перенести нас в эпоху постчеловеческой истории, в новую антропологическую и социальную реальность где, говоря словами Ф. Фукуямы, мы уже перестанем понимать, что такое человек^[1]. Неопределённость и огромный потенциал этой новой реальности позволяет сравнить её с бездной, порождающей экзистенциальный страх, а путь к пропасти прокладывают современные технологии: чем дальше они уходят в своём развитии, тем глубже мы заглядываем в бездну. Однако сторонники и приверженцы трансгуманизма говорят о

будущих технологических возможностях преодоления несовершенства человеческой природы именно как о мосте, позволяющем нам пройти через бездну смертности и небытия.

Цель работы – рассмотреть истоки и эволюцию идей трансгуманизма, специфику их развития в современном цифровом обществе в широком культурно-мировоззренческом и духовно-нравственном контексте; проанализировать пути совершенствования человека, предлагаемые трансгуманистами и сопоставить их с идеями обретения смысла, счастья и вечной жизни в христианской антропологии.

1. Трансгуманизм как путь к «новому человеку»

Известно, что трансгуманизм как научное и философское течение возникает во второй половине прошлого века и изучает проблему совершенствования способностей человека, повышения его физического и интеллектуального потенциала и обретения бессмертия на основе новейших достижений науки и техники. Приставка «транс» обозначает «выходящий за пределы», и предполагает неограниченную модификацию человека, в процессе которой он преодолевает свою биологическую природу и становится постчеловеком, а точнее уже не-человеком, т.е. существом, лишенным фундаментальных антропологических оснований.

Несмотря на рост научного знания и развитие технологий в XX в. трансгуманизм воспринимался большинством ученых как миф, как нечто из области очередной антропологической и социальной утопии подобно «общему делу» Н. Фёдорова о воскрешении отцов и преодолении конечности жизни или учению К. Циолковского о выходе человечества за пределы Солнечной системы и расселении в космическом пространстве^[2]. И если деятельность русских космистов (Фёдорова, Циолковского и др.) носила характер метафизических поисков, свойственных философскому мышлению, то идеи трансгуманистов рассматриваются сейчас как руководство к действию, как новый технологический и социальный проект, в который государственные структуры многих стран и транснациональные корпорации вкладывают большие средства, что во-многом объясняется возрастающим интересом к идеологии трансгуманизма со стороны лидеров мировых элит. В подтверждение этого тезиса приведём некоторые факты.

Так в 2009 году в США при участии американского национального военно-космического управления NASA и компании Google под руководством известных американских учёных-изобретателей Рэя Курцвайла и Питера Диамандиса был учреждён Университет Сингулярности^[3], целью которого стал поиск единомышленников (партнёров, спонсоров), разделяющих сингуляристское мировоззрение и совместная разработка «новых технологий для решения глобальных проблем человечества». В 2016 г. филиал Университета был открыт в Киеве, а в 2017 г. в Москве.

В июне 2013 г. в Нью-Йорке международный форум «Глобальное будущее 2045» собрал ведущих инженеров и специалистов в области нейронаук для обсуждения современного состояния и перспектив развития кибернетических технологий в целях достижения бессмертия человека. Одной из задач форума было объявлено создание научного мегапроекта «Аватар», который включает в себя разработку человекоподобных роботов, систем телеприсутствия, интерфейсов «мозг-компьютер», систем нейропротезирования и моделирования работы мозга, изучение сознания и возможности его переноса на небиологический носитель^[4]. Интересно, что организатором форума стал российский бизнесмен, руководитель интернет-компании «Newmedia Stars» и учредитель Стратегического общественного движения «Россия 2045» Дмитрий Ицков, изложивший

свою позицию следующим образом: «Человек должен быть свободным от ограничений биологической природы, смерти, гравитации. Для этого человеческие тела должны быть заменены небιологическими носителями, в головы которых вживят мозг землян, и таким образом эволюция человечества будет направлена по пути достижения бессмертия»^[5].

В нашей стране работу над проектом «Аватар» проводит российское отделение международного сообщества «Инициатива 2045» под эгидой движения «Россия 2045». Реализация проекта включает в себя четыре этапа: с 2015 по 2020 – создание искусственной копии тела человека, управляемой мыслью с помощью нейроинтерфейса; с 2020 по 2025 – разработка искусственной копии тела человека, в которую пересаживается мозг в конце жизни; с 2030 по 2035 – создание искусственной копии человека, в которую переносится сознание в конце жизни; с 2040 по 2045 – создание тела-голограммы^[6].

В статье «The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626–2030» профессор Джеймс Хьюз отмечает, что начиная с 2000-х годов в США сформировалось множество течений и сект трансгуманизма, которые, как и в политике, подразделяют на левых и правых, умеренных и радикалов, трансгуманистов-консерваторов и либертарианцев^[7]. В частности он выделяет сингуляристов (Рэй Курцвейл, Питер Диаманис, Хьюго де Гарис, Ганс Моравек), прогнозирующих к 2050 году «интеллектуальный взрыв» как слияние человеческого и машинного интеллекта; либертарианских утопистов (Питер Тиль, Рон Поль), мечтающих о благополучном безгосударственном будущем; левых технопрогрессистов (Ник Бостром, Билл Джой), понимающих высокие технологии как способ выживания человечества и осознающих риски их неконтролируемого применения; биолиберальных трансгуманистов (Джон Харрис, Джулиан Савулеску, Артур Каплан, Генри Грили, Аллен Бьюкенен, Грегори Пенс), защищающих идею репродуктивного клонирования и улучшения когнитивных способностей человека, а также представителей религиозного синкретизма (Мормонтрансгуманистическая Ассоциация), указывающих на сходство некоторых идей трансгуманизма (надежда на вечное счастье перед лицом смерти) с элементами традиционного религиозного мировоззрения^[8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время трансгуманизм формируется как сфера научных исследований и как влиятельное международное движение, имеющее свою идеологию и мировоззрение. Трансгуманистические исследования создают собственный методологический и лексический аппарат, по-новому интерпретируют уже известные концепции и вводят в публичное пространство множество специальных или собственных понятий, таких как: «сингулярный рубеж», «трансгуманистическая эволюция», «радикальное продление жизни», «НБИКС-конвергенция» (нано-, био-, информационные и когнитивные социальные технологии) и др.^[9]

В последнее десятилетие новый импульс движению трансгуманизма придали цифровые технологии, динамичное развитие которых позволило некоторым ученым увидеть переход к транс-, а затем к постчеловечеству реальностью ближайшего будущего. Учитывая существующие неопределённости, такую реальность можно представить в двух вариантах (сценариях) развития. Первым вариантом может стать справедливое гармоничное общество – трансчеловеческая электронная социал-демократия с мировым правительством, а вторым – конфликтующий социум, в котором люди и постлюди не могут гармонично сосуществовать друг с другом. Сторонниками первого сценария являются основатели современной версии трансгуманизма Ф.М. Эсфендиари, Р. Фейнман и их

последователи, которые рассматривали человека как продукт незавершенной эволюции, они считали, что путём наращивания интеллектуальных способностей, автоматизации труда и расширения свободы трансчеловеческое общество преодолеет крайности капитализма и социализма, а на смену авторитаризму или представительной демократии придет мировое управление через прямую электронную демократию. На другом берегу находятся пессимистически настроенные представители биоэтики (Дж. Аннас, Л. Эндрюс, Н. Агар и др.), считающие, что усиление человеческого потенциала приведет к расслоению общества и гражданской войне между группами обычных людей и трансформированных индивидов и рассматривают запрет репродуктивных технологий и генетических модификаций как важнейшее условие выживания человечества.

Третьей и весьма распространённой является точка зрения, согласно которой трансчеловеческая реальность есть утопия, и главным является не вопрос её практического воплощения, а влияние идеологии трансгуманизма на общественное сознание. Как отмечает В.А. Щипков, «трансгуманизм на современном этапе создает не трансгуманоида (физически и биологически отличного от современных людей), а трансгуманиста – человека, приверженного трансгуманистическому мировоззрению»^[10]. Учитывая приведённые нами факты, стоит сделать поправку, что работа по созданию трансгуманоида также активно ведется, но, действительно, очень важно уяснить мировоззренческие основания трансгуманизма, его истоки и причины распространения в современном обществе. Вера трансгуманистов в необходимость фундаментальных антропологических трансформаций и в их исключительно-положительный характер призывает нас к осторожному и серьёзному осмыслению предлагаемых ими идей.

2. Сциентизм как идейный источник трансгуманизма и «основной вопрос философии»

Сформулированный Ф. Энгельсом в 1886 г. «основной вопрос философии» предложил две мировоззренческие системы координат, две точки отсчета – материализм и идеализм, которые и в настоящее время могут выполнять роль определенного ориентира для обсуждения философских проблем, несмотря на то, что многие представители философского знания считают «основной вопрос философии» устаревшим и потерявшим актуальность^[11]. В недрах материалистической парадигмы сформировались и вошли в научное и общественное дискуссионное поле такие формы мировоззрения, как атеизм, эволюционизм, детерминизм, антропоцентрический волюнтаризм, а также сциентизм и его приемник – современный трансгуманизм.

Исторической родиной сциентизма, несомненно, является Новое время с его утверждением рационализма как глобального идейного проекта и гносеологического подхода и как важнейшей характеристики новоевропейской культуры, на основе которого формируется сциентистское мировоззрение. В этой парадигме мир является понятным разуму, человек обладает возможностью его познания и преобразования, а наука и техника способны решить многие, а в перспективе, возможно, – даже все проблемы человечества.

Возможно утверждать, что сциентизм начинается с идей Ф. Бэкона, предлагающего образ общества будущего без рабства и нищеты, которое управляется научной элитой, а ученые активно работают над тем, чтобы «победить болезнь, продлить жизнь, вернуть молодость, замедлить старение, увеличить силу и контролировать боль, а также создавать новые виды, пересаживая один вид в другой»^[12]. Также и просветители полагали, что время и технологии будут способствовать улучшению условий жизни и, в

конечном счете, человек сможет преодолеть не только угнетение и неравенство, но также болезни и смерть; в частности Д. Дидро считал, что человечество может эволюционировать в великое множество постчеловеческих видов. В трактате «Сон Д'Аламбера» он полагал, что в будущем возможна реконструкция человеческого мозга, а также – разумные животные и животное-человеческие гибриды, и что сложные машины смогут иметь разум^[13].

Сциентизм и оппонирующий ему антисциентизм, который также берет свое историческое и идейное начало в XVII в., например, в лице философских идей Б. Паскаля, но являющийся в Новое время, скорее периферийным интеллектуальным явлением, в отличие от сциентизма, представляют собой и два образа философии науки, в первом из которых философия, перефразируя знаменитые слова П.Н. Милюкова, – «оппозиция ее величества», а во втором – «оппозиция ее величеству», где «ее величеством» является наука^[14].

Несомненно, что действительной философией науки, так же, как и, например, философией искусства, права, образования, политики и т.д. является антисциентистская ее концепция. Однако преобладающей является первая (сциентистская) ориентация, в которой философия подчинена науке. С одной стороны это объясняется самим идейным и историческим истоком сциентизма, связанным с идеями О. Конта о безрезультативности и бессмысленности метафизических поисков, с другой стороны – с особенностями современной социокультурной ситуации, при которой метафизическая сфера бытия человека и общества, говоря словами М. Хайдеггера, предается забвению, а на первый план выходит утилитарно-прагматическая её составляющая.

К середине XX в. на волне кризиса не только классической, но и неклассической науки позитивистско-сциентистское мировоззрение приходит в упадок, что с одной стороны связано с кризисом позитивистской методологии, с другой стороны с осознанием возможностей и пределов научно-технического прогресса на фоне трагических событий истории XX в. (мировые войны, тоталитаризм, экологические проблемы и др.). Реакцией на кризис стало появление постпозитивизма, в русле которого формируется второй (антисциентистский) образ философии науки. Постпозитивизм преодолевает, характерную для классической науки идею универсальности научных законов, отрицает монополию на истину и корреспондентское ее понимание, отдавая предпочтение конвенциональным представлениям. Таким образом, гносеологический и методологический релятивизм, характерный для постпозитивизма, стал индикатором разложения изнутри как классического позитивизма, так и в целом сциентистского мировоззрения.

Своеобразным ответом на этот кризис стало возникновение во второй половине XX в. обновлённого сциентизма или трансгуманизма, который как бы перехватил эстафетную палочку позитивизма и стал новым инструментом современного обоснования глобальной эволюционно-материалистической парадигмы. В данном случае вполне можно задаться вопросом – почему «эстафета» позитивизма-сциентизма все же не закончилась во второй половине XX в., но обрела «второе дыхание» в лице современных трансгуманистических идей, которые (в виде гуманизма-рационализма-прогрессизма-технократизма модерна, или Нового времени) задолго до сегодняшнего дня, пусть не в явном виде, но все же продемонстрировали свой вполне анти-гуманистический потенциал, практически реализовавшийся в антропологических и социальных катастрофах первой половины недавно ушедшего прошлого столетия? Достаточно вразумительное объяснение этой ситуации, как то ни

удивительно и странно прозвучит, на первый взгляд, можно найти в полемике противостоящих друг другу решений «основного вопроса философии», который в настоящее время часто не воспринимается всерьез и считается безнадежно устаревшим, вместе с понятием, например, «материи», которое устарело настолько, что в настоящее время вряд ли найдется серьезный ученый или философ, «который бы работал с таким понятием»^[15].

Возможно ли утверждать, что устарела дискуссия между эволюционизмом и креационизмом, синергетизмом и телеологизмом, наконец – между теизмом и атеизмом? В контексте разговора о сциентизме и антисциентизме, отметим, что они имеют прямое отношение к вариантам решения «основного вопроса философии», будучи мировоззренческими спутниками – первый – материализма, второй – идеализма. Данное утверждение нуждается в некотором обосновании.

Неизбежными мировоззренческими спутниками материализма являются: атеизм^[16], эволюционизм, синергетизм (синергетическое видение мира), сциентизм^[17], детерминизм, редукционизм, антропологический волюнтаризм (антроповолунтаризм, эговолунтаризм), революционный героизм, позитивизм, – понятый в качестве метафизического сна или обморока, когда человек сознательно желает себе неведения, забвения, малодушия и окамененного нечувствия.

Противостоящий мировоззренческий лагерь, каждая из позиций которого является противоположностью представленных выше положений: идеализм, теизм, или теистическая религия (во избежание недоразумений, отметим, что, если задаться вопросом, – может ли разум, или дух быть безличным, то ответ, по всей видимости, будет отрицательным), креационизм (являющийся обязательным идейным спутником теизма «... это наиболее последовательный в анализируемом отношении вариант объективного идеализма»^[18]), телеологизм, антисциентизм, индетерминизм^[19], антиредукционизм, провиденциализм, религиозное подвижничество^[20], антипозитивизм, – понятый как желание пробудиться от метафизического сна или обморока. Отметим, что под теистической религией в данном случае понимается христианство, т.к. если религия (лат. re – возвратная частица, лат. ligare – связь) это *восстановление утраченной связи*, или *возвращение блудного сына*, то тогда религией в полном смысле этого слова является только христианство.

3. Трансгуманизм в контексте полемики между антроповолунтаризмом и провиденциализмом

Возможно утверждать, что среди основных положений двух противостоящих друг другу мировоззрений, основными – в плане жизненной навигации человека – являются не материализм и идеализм, а антроповолунтаризм и провиденциализм, а материализм и идеализм, атеизм и теизм, эволюционизм и креационизм, сциентизм и антисциентизм являются средствами обоснования первого или второго. Или основным вектором человеческих мыслей, чувств, устремлений, надежд, ожиданий, действий является: *Я сам – что хочу, то и делаю, потому что все (а если не все, то – многое) могу!* Иначе: *Да будет воля моя!* Или же, наоборот: *Господи! Да будет воля Твоя, а не моя!* Подчеркнем, что данные мировоззренческие, ценностные и деятельностные установки являются вполне равноценными, т.к. ни *подтвердить*, ни *опровергнуть* ни ту, ни другую невозможно. Однако здесь могут возразить, что такая дихотомия является надуманной, искусственной и сильно огрубляет и упрощает действительную «пеструю палитру» многовековых идейных исканий человечества. В данном случае обратим внимание на то,

что какой философский и мировоззренческий конструкт мы не взяли бы, к какому «изму» не обратились бы, он, так или иначе будет, сводиться к одному из этих двух полюсов или – «работать на них»; более того, возможно утверждать, что любое учение, или идейное построение создается, в конечном итоге, именно – «под» антроповолунтаризм или противостоящий ему провиденциализм – даже если это не только не провозглашается, но даже, возможно, и не осмысливается.

Противостояние мировоззренческих полюсов антрополунтаризма и провиденциализма, возможно, являются основным смыслозадающим вектором всей метафизической и физической истории человечества и человека; мы не найдем ни одной эпохи, вопроса, проблемы, идеи, учения, мыслителя, традиции, которые находились бы вне этого противостояния.

Каковы причины данного противостояния? Откуда оно происходит, почему является настолько устойчивым, когда и чем закончится? На эти вопросы, в принципе, нет ответов у материалистического и атеистического сознания. В то же время в теистическом христианском мировоззрении на такие вопросы даются вполне определенные, логичные, обоснованные и взаимосогласованные ответы, т.е. – характеризующиеся когерентностью, которая является признаком именно научного, а не мифологического дискурса.

Ответ на вопрос о начале и причинах противостояния волюнтаристической и провиденциальной установок находим не в естественной, а в Священной истории, которой естественная история, согласно христианскому воззрению, не противостоит, а, напротив является вполне с ней согласованной (представляя собой отрезок, лежащий на прямой, которой является Священная история). Еще раз повторим, что теистическая интерпретация нисколько не уступает – по своей эвристической силе и рациональному статусу – атеистической интерпретации, – именно в силу принципиальной неverifiedируемости и нефальсифицируемости ни той, ни другой.

Одним из событий Священной истории является противление и отпадение от Бога части ангелов и далее – грехопадения человека, причем в основе того и другого находится, можно сказать, *свое-волие, само-свое-мнение, само-превозношение, само-хотение, само-вожделение*, суммируемые понятие гордости, которая является причиной и началом всех страстей, терзающих человека, дающих ему беспросветное уныние и тоску, пустоту и бессмысленность его бытия и закрывающих ему путь к спасению. Эта гордость и есть проявление волюнтаристического начала, впервые появившегося как результат губительной реализации свободной воли ангела в Священной истории и неизменно присутствующего, – по причине свободы человеческой воли, – в естественной истории – истории человечества и жизни каждого человека.

Теперь можно ответить на вопрос – почему сциентизм, зародившийся на заре Нового времени, усиленный позже появившимся позитивизмом, и пришедший в середине XX в. к разрушению как снаружи (антисциентизм), так и изнутри (постпозитивизм), – после социальных и антропологических потрясений первой половины ушедшего столетия, – теперь, на рубеже XX–XXI вв. вновь набирает силу в трансгуманизме? Потому что и сциентизм, и позитивизм, и связанные с ними материализм, атеизм и эволюционизм – это не самодостаточные идейные устремления, но различные проявления, или «симптомы» того самого антроповолунтаризма, когда человеку кажется, что он что-то может *сам по себе, будучи волящим и мыслящим*. Однако, хотя и мыслящим, но все же, по точному определению Б. Паскаля, – *тростником*, который моментально ломается при первом же дыхании небытия – как для каждого человека, так и для человечества в целом: перед

лицом того, что смертны все люди и того, что когда-то исчезнет вообще человечество и, более того – планета Земля, Солнечная система и Вселенная, все *само-и-свое-вольные* идеи, проекты и действия становятся полностью бессмысленными и принципиально неосуществимыми. Здесь немедленно возникает вечный вопрос: *Что же тогда делать?* Вполне определенный ответ на него дает противостоящий антроповолунтаризму провиденциализм.

4. Мост через бездну: иллюзия или реальность?

Провиденциализм – идея, согласно которой в центре бытия мироздания, истории общества, а также – человеческой жизни находится *диалог* воли Бога и свободной воли человека. В онтологически-космологической части антропоцентрического волунтаризма, который является смыслозадающим элементом общего мировоззренческого материалистически-эволюционистского контекста, материальный мир появляется в результате Большого взрыва, эволюционирует миллиарды лет вплоть до появления человека и цивилизации и, спустя миллиарды лет, скорее всего, заканчивается и исчезает – нынешнее расширение Вселенной сменится сжатием и гравитационным коллапсом – до следующего взрыва и расширения (модель пульсирующей Вселенной).

С точки зрения провиденциализма, который является элементом христианского миропонимания, материя сотворенного Богом мира была совсем не той, какой мы ее теперь знаем и с которой имеет дело наука, – она была абсолютно безупречной, совершенной, нетленной, чуждой и самоорганизации, и эволюции, как – не нуждающейся в них. Однако вместе с человеческим грехопадением и отпадением от Бога-Творца весь материальный мир, вверенный человеку в попечение, изменился и повредился, материя стала такой, какой мы ее знаем, – несовершенной, тленной, изменчивой, саморазрушающейся и самоорганизующейся. Таким образом, между первоначальным состоянием материального мира и нынешним лежит катастрофа в виде грехопадения человека. Мы живем в посткатастрофическом мире и, в принципе, не можем заглянуть в мир докатастрофический. Эта ситуация похожа на такое утверждение современной физической космологии, согласно которому научное знание, в принципе не может проникнуть в состояние материи *до* Большого взрыва (*до* начала пространства и времени, *до* начала всего), т.к. и Вселенная со всеми ее фундаментальными параметрами и константами, и мы в ней – это то, что появилось *после* взрыва (*после* начала времен)^[21].

В свете вышеизложенных соображений не будет безосновательным утверждение, что Большой взрыв, о котором идет речь в науке, возможно сопоставить не с Творением мира, о котором говорит религия, а с грехопадением человека, т.к. тот материальный мир, в котором мы находимся, является результатом грандиозной катастрофы, о которой наука говорит как о Большом взрыве, а религия – как о грехопадении человека. Такая трактовка сразу же снимает все вопросы о существующей будто бы несовместимости научных и религиозных представлений в онтологической и космологической области: если Библия и говорит о материальном мире, то – докатастрофическом, наука же о нем ничего сказать не может, т.к. имеет дело только с посткатастрофическим материальным миром, а между первым и вторым миром – совершенно непреодолимая граница (причем – не такая же, а *неизмеримо бóльшая*, чем между состоянием материи *до* и *после* Большого взрыва). Предвидя возможное возражение относительно того, что согласно научным представлениям, человек появился спустя миллиарды лет после Большого взрыва, а согласно религиозным утверждениям, после грехопадения человек не появляется, а уже существует, следует отметить, что после грехопадения человек также

появляется, т.к. это – совсем другой человек, нежели до грехопадения, как и весь мир после катастрофы – не такой, каким он был до нее. Временные же интервалы – научные миллиарды лет от Большого взрыва до человека и религиозное мгновение от непадшего до падшего человека – могут быть вполне тождественными, если исходить из того, что естественная история – это *отрезок* лежащий на *прямой*, которой является Священная история: длина любого, даже очень большого, *отрезка*, лежащего на *прямой*, как известно, равна нулю.

Если у научного знания нет никакой возможности заглянуть за горизонт событий *до начала времен*, в так называемое сингулярное состояние материи, то у религиозного знания такая возможность – заглянуть в докатастрофическое состояние мира, – пусть неполная или даже минимальная, есть. Понятно, что сам человек никакими интеллектуальными усилиями не может заглянуть за границу грехопадения, отделяющую первозданный совершенный материальный мир от нынешнего, тоже материального, но уже несовершенного мира. Однако Бог приподнимает перед человеком завесу над миром до грехопадения, иначе откуда бы мы знали об Эдемском состоянии, о творении мира и о самом грехопадении как начале естественной, или земной истории, на перипетиях которой мы сейчас находимся? Если религия (лат. re-ligare) – это *восстановление утраченной связи*, или *возвращение блудного сына* – возвращение человека к Богу, от Которого он отпал в результате грехопадения, то конец естественной, земной истории – это завершение нынешнего падшего состояния человека и мира и чудесное восстановление их в прежнем совершенном, нетленном состоянии, которое было даровано человеку Богом во время творения, и которое он по искушению врага и губительному *свое-волию* утратил первозданным грехом. Новое Небо и новая Земля, о которых говорится в 21 и 22 главах Откровении Святого Иоанна Богослова – это новое состояние материального мира, подобное тому, которое было до грехопадения.

Одним из главных экзистенциалов человека является факт его смертности и, главное, – его знание об этом, которое неизбежно приводит каждого, так или иначе, к мысли о преодолении смерти, к идее бессмертия, или – *спасительного моста через бездну небытия*, который соединяет нынешнее бытие человека с будущим его бытием. В поисках этого моста человек говорит о различных «вариантах» бессмертия, основными из которых являются следующие: *физическое (натуралистическое) бессмертие* (после смерти мы распадемся на молекулы и атомы, которые войдут в вечный круговорот вещества в природе, стало быть, все-таки не исчезнем полностью); *биологическое бессмертие* (мы продолжаемся в наших детях, внуках и правнуках), *социальное бессмертие* (мы увековечим себя при жизни плодами творческой деятельности), *научно-техническое, технологическое и технократическое бессмертие* (как раз то, о котором говорит сциентизм, космизм и трансгуманизм); *христианское, провиденциальное бессмертие*: *нас ради человек и нашего ради спасения* Господь Бог Иисус Христос стал человеком, умер, вошел в человеческую смерть и вышел из нее Святым Воскресением, победив и уничтожив ее Своим Божеством, даровав нам бесконечно превосходящую все мыслимые блага возможность бессмертия, через пребывание с Ним, прикрепление, прилепление, *причащение* Ему.

Первые три варианта бессмертия являются совершенно иллюзорными, т.к. в каждом из них то, что задает и образует наше «я», личность, экзистенцию, безвозвратно исчезает: молекулы и атомы, на которые я распался, лопух, выросший из меня, даже дети и внуки, даже выдающееся творческое наследие, оставшееся после меня, – *это все не я!* А мне надо, чтобы оставался именно я – весь, целиком, полностью, без остатка, как таковой, а

– не то, что остается *после меня*. Кажется, что такой вариант бессмертия вроде бы и предлагается трансгуманизмом. Однако, по всей видимости, речь здесь идет всего лишь о некотором продлении жизни, но – никак не бессмертии. Даже если представить себе будущую возможность полностью утопического «переписывания» личности на иной материальный носитель – вместо обветшавшего тела, то возникает вопрос – у каждого ли жителя планеты будет такая возможность? И даже если исходить из того, что она будет у каждого, то остается вопрос – как быть с тысячами поколений, которые умерли до того, как появилась данная удивительная возможность? Подлинное бессмертие человека непременно предполагает шанс *для всех*, без исключения, – живших, живущих и будущих жить.

В координатах атеистического сознания трансгуманизм – это одна из неимоверного количества интеллектуальных конструкций, которые человек соорудил на протяжении своей истории в попытках ответить на вопросы о том, кто он такой, что может знать, что должен делать, и на что надеяться. С позиций христианского мировоззрения трансгуманизм является очередной и одной из многих антроповолонтаристических ловушек, в которые человек попадает в течение всей своей истории и выбраться из которых возможно только посредством преодоления антропоцентризма и волонтаризма – путем провиденциализма, который обещает нам «...приобретение и мирозданием, и человеком такого состояния, ничтожная часть которого является недостижимым пределом устремлений и чаяний современной науки со всеми ее технологиями, поражающими наше естественное воображение»^[22].

Заключение

Возвращаясь к противостоянию мировоззренческих полюсов материализма и идеализма, атеизма и теизма, эволюционизма и креационизма, антроповолонтаризма и провиденциализма, обратим внимание на их неравноценность и *метафизическую асимметрию* в плане человеческого выбора одной из этих систем как глобального жизненного руководства и навигации.

Можно исходить из истинности первой, в рамках основных утверждений которой трансцендентного бытия нет, а то, о чем говорит религия, – это создание человеческого ума и культурно-историческое явление. Если это так, то что тогда? Получается, что – *ничего* – *метафизический и онтологический ноль*: когда-то не будет ни меня, ни моих потомков, ни человечества, ни природы, ни даже Вселенной, все закончится полностью и безвозвратно.

Если исходить из истинности второй мировоззренческой системы, тогда наша жизнь никак не «пустая и глупая шутка», она имеет неиллюзорный смысл и высшее измерение. Об онтологической асимметрии этих двух противоположных систем метафизической навигации человека говорит знаменитое пари Паскаля. Не делать решающую жизненную «ставку» на одну из этих систем невозможно, т.к. каждый из нас уже «в игре», т.е. живет на белом свете.

Если я делаю материалистическую, атеистическую и антропоцентрическую «ставку», и она *выигрывает* (т.е. эта система идей оказывается истинной), я, к моему крайнему сожалению и разочарованию, *ничего не выигрываю*. Если же я делаю противоположную «ставку», и она *проигрывает* (т.е. личностного трансцендентного бытия нет), то я, как ни странно это для моего оппонента, *ничего не проигрываю*. Если же эта «ставка» *выигрывает*, теистическая и провиденциальная мировоззренческая система оказывается истинной, то я *выигрываю все* – настоящее знание, бесконечную свободу, подлинный

смысл, безусловное счастье, великую радость, вечную жизнь.

Библиография

1. Hughes J. The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626–2030. *Zygon* 47(4), pp. 757–776.
2. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. М.: Образ, 2007. 192 с.
3. Барашенков В.С. Кварки, протоны, Вселенная. М.: Знание, 1987. 192 с.
4. Биленко Т.И. Героизм и подвижничество: проблема выбора // Булгаковские чтения. 2007. № 1. С. 184–189.
5. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.-. 243 с.
6. Гумницкий Г.Н. Понятие свободы: детерминизм или индетерминизм? // Информационная среда вуза. 2017. № 1 (24). С. 252–256.
7. Гусев Д.А. «Основной вопрос философии» в контексте полемики теизма и атеизма как систем мировоззренческой навигации человека (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Вопросы философии. 2020. Т. № 6. С. 58–68.
8. Гусев Д.А., Потатуров В.А. Наука и религия в контексте полемики между сциентизмом и антисциентизмом // Философия и культура. 2018. № 10. С. 28–44.
9. Гусев Д.А., Потатуров В.А. Сциентизм и антисциентизм как два образа философии науки, два мировоззрения и две системы жизненной навигации человека (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Философская мысль. 2020. № 1. С. 32–51.
10. Дидро Д. Избранные философские произведения. Москва: Госполитиздат, 1941. 280 с.
11. Ивашина Р.А. Теизм и атеизм: причины диспута и попытка консенсуса // Патриарх Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 221–225.
12. Михайлов К.А., Грачев М.В. Философия. Фундаментальный курс живой и свободной философии. Том 1. Метафилософия. Онтология. Гносеология. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2018. 659 с.
13. Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М.: Энас, 2005. 145 с.
14. Рахова Е.Э. Гуманистический героизм и православное подвижничество // Инновационная наука. 2016. № 4-4. С. 73–76/
15. Суслов А.В. Представители русского космизма о диалектике добра и зла. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 3. С. 39–45.
16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Free Press. 1992. 558 с.
17. Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. URL: <http://orthowiev.ru/transgumanism/>
18. Щипков В.А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма. Вестник Моск. Ун-та. Сер.12. Политические науки. 2018. №3. С. 7–24.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Мост через бездну? Цифровизация и трансгуманизм как новая антропологическая и социальная реальность в контексте мировоззренческих поисков личности (историко-философский и общетеоретический аспекты)» предметом исследования стал трансгуманизм как научно-философское направление. По замыслу автора, цель работы – «рассмотреть истоки и эволюцию идей трансгуманизма, специфику их развития в современном цифровом обществе в широком культурно-мировоззренческом и духовно-нравственном контексте».

Методология исследования базируется на рефлексии взглядов представителей трансгуманизма. Методом исследования стал анализ философских произведений, раскрывающих вопросы трансгуманизма.

Актуальность темы публикации определяется научно-техническим прогрессом и неоднозначным характером развития естественнонаучного знания, особенно биомедицинских наук и цифровых технологий, что на фоне возрастающего кризиса духовного бытия человека в современном мире ставит вопрос о допустимости и пределах изменения человеческой природы в центр трансгуманизма. В последнее десятилетие новый импульс движению трансгуманизма придали цифровые технологии, динамичное развитие которых позволило некоторым учёным увидеть переход к транс-, а затем к постчеловечеству. Автор считает актуальным уяснить мировоззренческие основания трансгуманизма, его истоки и причины распространения в современном обществе, проанализировать пути совершенствования человека, предлагаемые трансгуманистами и сопоставить их с идеями обретения смысла, счастья и вечной жизни в христианской антропологии.

Научная новизна публикации связана с обоснованием сциентизма как идейного источника трансгуманизма, при этом автор констатирует, что трансгуманизм формируется как сфера научных исследований и как влиятельное международное движение, имеющее свою идеологию и мировоззрение. Заслуживает внимание рассуждение автора об «основном вопросе философии». В рамках его обсуждения автор обращает внимание, что противостояние мировоззренческих полюсов материализма и идеализма, атеизма и теизма, эволюционизма и креационизма, антроповолунтаризма и провиденциализма имеет неравноценность и ведет к метафизической асимметрии в плане человеческого выбора одной из этих систем как глобального жизненного руководства и навигации. Автор развивает довольно оригинальные рассуждения о "мосте", позволяющем пройти человеку через бездну смертности и небытия, в которых идеи трансгуманизма соединены с идеями христианской антропологии.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью, грамотностью изложения, четкой и обоснованной аргументацией. Язык публикации философский, наукообразный.

Библиография работы включает 18 работ, раскрывающих вопросы трансгуманизма. Апелляция к основным оппонентам присутствует. Хотя следует обратить внимание, что некоторые авторы (Ф.М.Эсфендиари, Р.Фейнман) упомянуты в тексте без ссылки на соответствующие работы, а для некоторых авторов (Ф.Энгельс, Ф. Бэкон, Д.Дидро) даются ссылки не первоисточники, а на работы, в которых они цитируются.

Таким образом, выводы присутствуют и имеют обоснование, что свидетельствуют о полной реализации исследовательского замысла. Работа будет представлять интерес для специалистов в области социальной философии, философии культуры и антропологии. Статья «Мост через бездну? Цифровизация и трансгуманизм как новая антропологическая и социальная реальность в контексте мировоззренческих поисков

личности (историко-философский и общетеоретический аспекты)» имеет научную значимость. Работа может быть опубликована.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Мальцев Я.В. — Прагматизм в образовании: философские основания и педагогическая практика // Философская мысль. — 2023. — № 7. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.7.40380 EDN: TXKQNT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40380

Прагматизм в образовании: философские основания и педагогическая практика

Мальцев Ярослав Владимирович

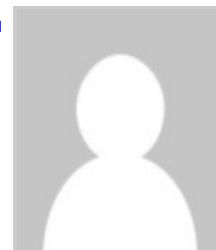
ORCID: 0000-0002-1725-2859

кандидат философских наук

доцент кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета

625003, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

✉ maltsevyaroslav@gmail.com

[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.7.40380

EDN:

TXKQNT

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2023

Аннотация: Предметом исследования данной статьи являются идеи в области философии и практики образования, предлагаемые основателями прагматизма: Ч. Пирсом, Дж. Дьюи, Р. Рорти. Концепции этих авторов породили одну из самых удачных философий образования, подвергшуюся и подвергающуюся значительной критике, но до сих пор востребованную и демонстрирующую эффективность. В статье разбираются исходные аксиомы философии прагматизма и принципы, на которых, по мысли философов-авторов, должна работать данная образовательная модель. Также затрагивается современная критика прагматизма в англоязычной литературе. Внимание к философии прагматизма в образовании кажется оправданным в силу тех поисков лучшей образовательной модели, которые сегодня происходят в России. Научная новизна статьи заключается в анализе ключевых философских принципов образовательной модели прагматизма вместе с практическими рекомендациями, а также во внимании, которое уделяется Ч. Пирсу и месту, значению, его идей в образовательной модели прагматизма. Традиционно Ч. Пирс выносится за скобки, когда пишут о прагматизме в образовании. Значительно больше внимания уделяется идеям У.

Джеймса, Дж. Дьюи, Р. Рорти, тогда как пролегомены Пирса кажутся принципиально значимыми в осмыслении прагматизма как философии образования. В статье рассматривается текущая полемика вокруг актуальности прагматизма как философии образования, о его сильных и слабых сторонах. Делается вывод, что прагматизм как философия образования несет в себе полезные принципы, связанные с консенсуальными практиками, критическим мышлением, диалогом, повышенным вниманием к опыту и активной познавательной позицией, а потому может использоваться в качестве противовеса деструктивным (коммерциализация, депрофессионализация) тенденциям в образовании.

Ключевые слова:

философия, философия образования, образование, прагматизм, Пирс, Дьюи, Рорти, Джеймс, истина, диалог

Проблема образования — важная часть социальной практики и государственной политики. От удачной модели образования зависит то, насколько конкурентоспособным окажется государство на мировой арене, насколько сильным будет его суверенитет, насколько вероятно превращение государства в центр силы, в сверхдержаву. Р. Далио [\[20\]](#) выделяет образование в качестве ключевого (в ряду других) фактора, почему одни государства превращаются в империи и сверхдержавы, а другие занимают более скромное отношение в мировом балансе сил. Качественное образование — это образовательный туризм (финансы), это инновации, это грамотные чиновники, это способные выполнять сложные операции и работать в высокотехнологичных областях рабочие, это эффективные солдаты, это привлекательная и богатая культура, влияющая на мировую культуру и действующая в качестве мягкой силы. Качественное образование имеет перманентный и кумулятивный эффект, поэтому требует пристального внимания и тщательной проработки подходов.

Сегодня существует несколько философских образовательных моделей [\[9\]](#), среди которых, пожалуй, самыми известными оказываются идеалистическая (гумбольдтовская), аналитическая (И. Шеффлер, Р.С. Питерси др.), экзистенциалистская (М. Бубер, Э. Фромм и др.), постмодернистская (А. Иллич, П. Фрейре) и ряд других. Однако прагматизм является одной из самых долго существующих и популярных образовательных парадигм, имеющих в своем бэкграунде как серьезные теоретические споры, так и большой опыт практического применения, т.е., если обращаться к принципам К. Поппера [\[13\]](#), прагматизм прошел (и проходит) этапы верификации и фальсификации. Более того, несмотря на свои недостатки именно США, «страна победившего прагматизма», сегодня являются лидерами образовательных рейтингов (студенты и ученые голосуют ногами) и рейтингов *hard* и *softpower* в негласном мировом межгосударственном соревновании. Учитывая, что российская система образования с момента распада СССР и по сегодняшний день находится в процессе реформирования и поиска собственных эффективных моделей кажется важным пристальное изучение существующих философий и практик образования, в частности прагматизма, которому в данной статье и будет уделяться внимание посредством методологии герменевтического и феноменологического анализа.

Философские основания

Появление прагматизма связано с изменением исторического контекста существования

человечества на рубеже XIX – XX веков, когда мир стал, с одной стороны, как никогда глобальным, с другой, максимально капиталистическим: диверсификация источников прибыли и ее максимизация оказываются альфой и омегой социальных отношений, а маркетинг становится общим фреймом мышления: маркетологи определяют ценности жизни и экзистенциальные ориентиры, формируют образы индивидуальности, способствуют тому, что общество формируется в качестве эстетического (С. Кьеркегор) агента. Глобализм и капитализм оказываются тесно связанными друг с другом. А прагматизм находит свое место в этой связке: в условиях капиталистической реальности метафизика утопии вытесняется метафизикой возможного, метафизикой *práuma* (др.-гр. «дело») — действия, которое единственное верифицирует стоящую за ним мысль. Именно действие оказывается в основе прагматизма: действие в условиях постоянно изменяющейся ситуации, в условиях гибкого реагирования, в условиях отсутствия истины как вещи-в-себе, как чего-то транслируемого, но не проверяемого. Т. е. в основе прагматизма находится консенсус, это абсолютно демократическое течение в образовании.

Свои основания прагматизм берет в трудах Ч. Пирса, У. Джеймса, Д. Дьюи — американских философов (логиков и психологов по совместительству), пытавшихся понять современное им американское общество и предложить свои рецепты его лучшей организации, свои программы будущего. Если в Европе отрицание трансцендентных метафизических концепций (включая религию) вело к экспериментам с тоталитарными государствами, то в США подобная ситуация приводила к попыткам эмансипации индивида не только от структур государства (американский индивидуализм), но от **знаков** в целом. Прагматизм, коротко говоря, означает возможность занятия критической позиции относительно знака и умение управляться со знаками: распознавать смыслы, интерпретировать, располагать, перетасовывать. Иными словами, прагматизм — это искусство управления знаками [12], и философскими принципами прагматизма в образовании являются воспитание в индивидууме именно этого качества: беспощадной логики в критике знаков (разворачивающейся потенциально бесконечно [11, с. 186]) и пристального внимания к последним и к последствиям их принятия (использования). Задача прагматиста, как ее определял Ч. Пирс, состоит в усвоении полного интеллектуального содержания какого-либо символа в его общем (касающемся общего) действовании и вытекающих из этого действования следствий [11, с. 182]. Прагматизм призывает «отказаться от идеи окончательного словаря и стать антифундаменталистом по отношению к знанию» [8, с. 196].

Суть философии прагматизма в образовании — критика знаков (реальность культуры как знак и каждый знак прикрывает знак и так до самого низа) и таким образом осуществление самоконтроля или субъективации. Критика знаков в прагматизме — своеобразный тип *epimelia heautou*, практик заботы о себе по М. Фуко [15]. С обучения критике знаков начинается образование (строительство по В. Гумбольдту) рационального индивида. Ч. Пирс видел первый шаг в достижении ясности идей, которыми мы оперируем [10, с. 266-295]. Второй шаг, как мы уже знаем, — предвидение практических следствий от той или иной идеи [2, с. 33] и понимание механизмов того, как работают те или иные слова (знаки): каким образом они конституируют и конструируют нас и социальную реальность [2, с. 38]. Иными словами, образовательный потенциал прагматизма в его направленности на воспитание гибкого, подвижного, критического мышления, устремленного на диалектическое рассмотрение любого явления культуры (любой теории, идеологии, всякого текста) с акцентом на результате [2, с. 39], который

должен обеспечивать максимизацию эффекта: отталкиваясь от частного, прагматизм всегда имеет в виду общее [\[11, с. 160-182\]](#).

Если первой характеристикой образовательной позиции прагматизма является критика знаков, то **вторым** его основанием можно считать демократичность как метода, так и получаемых результатов. В основе прагматизма находится *консенсуальное понимание истины*: ею считается только то, что можно подтвердить и проверить, а остальное объявляется ложью [\[24, с. 142\]](#). Иными словами, прагматизм максимально научен: он не апеллирует к тем или иным идолам (Ф. Бэкон), а обращает внимание на необходимость диалогового осуществления научной практики, на коллективный характер поиска. Как отмечает Р. Рорти: в прагматизме «нет никакой инстанции, к которой можно было бы апеллировать выше, чем демократический консенсус» [\[4\]](#), где знание есть производное коллективного исследования, взаимного доверия и «интерсубъективного соглашения» собеседников [\[3, с. 56\]](#).

Эта же демократическая традиция лежит в основе образовательной траектории прагматизма, призывающего отталкиваться от признания *множественности* (индивидов, ситуаций, идей, интересов, вариантов истины), от априорности *свободы* взаимодействий (идей, людей, групп) и от факта *корреляции между идеями и реальностью*, складывающейся в результате их взаимодействия [\[5, с. 85\]](#). В своей основе прагматизм призывает вести **образование во след познавательной активности** обучающегося, тем самым углубляя его опыт, а значение педагога сводится к роли более опытного наставника, находящегося в партнерских отношениях в поле общего познания проблемы. С точки зрения Дж. Дьюи образование должно опираться на *среду* (поле социальных практик и погружения в проблему через причастность к деятельности группы, где обучение проходит не только относительно изучаемого предмета, но имплицитно жизни в социуме в целом), на *последовательность переходных форм* (от простых и домашних форм жизни к более сложным социальным конструктам), на *реальность* изучаемого (соотносимость изучаемого с актуальными и действительными проблемами жизни общества), на *активность* (деятельные методы обучения и обучение через деятельность), под которую подгоняется образование, а не которая выстраивается под образовательную тематику. Иными словами, в модели Дьюи обучение следует за ребенком, дополняя его практику [\[6\]](#). Идеальным примером такой образовательной модели служит наставничество Дамблдора относительно Гарри Поттера, постепенно и исподволь подготавливающего мальчика, который выжил к главной битве в его жизни и к его основному моральному выбору, в то же время предоставляя ему самому двигаться и ориентироваться в опасном мире. В конечном счете студент должен учиться жить в реальном мире и взаимодействовать с ним приобретая социальную эффективность, культурный багаж и способность принимать этические решения. При этом, согласно Р. Рорти, школьное образование служит социализации, в то время как высшее — индивидуализации [\[30, с. 114-127\]](#).

Прагматизм в образовании

Исходный тезис прагматизма – мир есть постоянно изменяющаяся и усложняющаяся система, **задача человека – выживание в изменяющемся и усложняющемся мире**. Мире, который У. Бек обозначил как «общество риска» [\[1\]](#). Прагматизм развивается на почве утилитаризма и капитализма, оказывается тесно связанным с «прикладным» аспектом американской культуры, в основе которой лежит принцип действия — дела с определенным презрением к интеллектуализму, но со стремлением к определенному,

часто связанному с общим благом, результату. Апостолами прагматизма в образовании являются Дж. Дьюи, разработавший основы теории и практики прагматизма в образовании, и Р. Рорти, благодаря которому прагматизм получил распространение в Европе.

Цель образования – воспитание критически мыслящей личности. Иными словами, цель образования заключается не в том, чтобы сделать студентов «знатоками» каких-либо текстов, информации, а в том, чтобы научить их учиться, учить их приспосабливаться к постоянно изменяющемуся миру. Дж. Дьюи видел задачи образования в *необходимости продолжения существования социальной группы*, т. е. общества как целого, где человек является только лишь временной единицей, а потому его задача: изучать предшествующий опыт, накапливать свой и передавать следующим поколениями, тем самым обеспечивая непрерывность традиции и обновление сообщества, его большую устойчивость относительно вызовов среды обитания [\[5, с. 7-9\]](#). Иными словами, в своем понимании фундаментальных целей образования Дьюи весьма консервативен: это *сохранение и передача накопленного человечеством опыта*, в потоке которой сам человек — всего лишь временный носитель и преобразователь информации. Знание и передача знания, по мнению Дьюи, — первичное условие существования общества вообще. Прагматизм в данном случае оказывается тесно связанным с общим трендом американской философской мысли, изначально ориентированной на решение гражданских и общественно-политических задач [\[7, с. 14\]](#).

Итак, первая цель образования в концепции прагматизма — обеспечение существования социума.

Однако существование общества невозможно без общения. Дьюи акцентирует внимание на созвучии этих слов: общество и общение. *Общение* обеспечивает существование общества посредством наличия общих тем, ценностей, понятий, формирование которых и обеспечивает образование. Группа индивидов, по мысли Дьюи, не образует общество, если ее не объединяет общее знание, формируемое через общение [\[5, с. 9-11\]](#). *Обеспечение общения между людьми* (а через это — существования общества) — вторая цель образовательной политики прагматизма. Индивидуум должен быть в среде индивидуумов и находиться с ними в постоянной коммуникации — это естественная среда человека и естественный для него способ непрерывного обучения: посредством других.

В образовательной концепции Дьюи акцентируется внимание на неформальном образовании, естественно возникающем в группе, и формальном — возникающем в связи с ростом знания и необходимости его структурированной и облегченной передачи. Дьюи считал, что формализация образования часто ведет к его отрыву от реальных проблем общества, превращает его в «мертвое», абстрактное, лишает личного эмоционального измерения. В связи с этим Дьюи полагал необходимым сочетать принципы неформального и формального образования [\[5, с. 12-14\]](#). Третья цель прагматизма в образовании — *создание образовательной модели, где знания следуют за опытом учащегося, постоянно расширяя его горизонты, при этом постоянно имея в виду реальность социальной практики*.

С поправкой на терминологию эти же черты выделяет Р. Рорти, придававший ключевое значение образованию как способу включения человека в социальную жизнь через воспитание в нем чувств солидарности и сплоченности, способности к диалогу с другими (полилогу), через создание общего языкового поля (в рамках которого возможно

общество) [\[26, с. 81-89\]](#). Конечной целью образования, по мнению Рорти и Дьюи, является превращение человеческого животного в человека в полном смысле слова: социализированного (усвоившего ценности общества) индивида (осознавшего свою уникальность и самостоятельность) [\[30, с. 118\]](#). Общество начинается с индивида, индивид начинается с общества — вот парадокс, находящийся в основании прагматизма.

Условие – процессуальность учебных планов (например, Дьюи утверждает, что учебный план не должен быть втиснут в «прокрустово ложе» академических дисциплин. Скорее, он должен строиться вокруг естественных проблем студентов); постановка в центр образовательного процесса студентов с их потребностями и интересами; предоставление студентам возможности выбора содержания предметов [\[4\]](#). С точки зрения прагматизма, образование возможно при соблюдении нескольких условий: *социальности* (группа, диалог, консенсус), *активности* (действие, практика, результат), *эмпиричности* (передача опыта, экспериментальный метод исследования и образования, корреляции между изучаемым и реальными социальными явлениями и практиками). При этом среднее образование должно служить включению человека в общество, усвоению им основных социальных ценностей, ознакомлением молодых людей с тем, что старшие считают истиной, истина это или нет, т. е. способствовать освоению некоего социального консенсуса, в то время как высшему образованию надлежит способствовать выработке умения сомневаться, стимулировать воображение, бросать вызов и конституировать собственную индивидуальность [\[30, с. 114-126\]](#).

С точки зрения Дьюи, среда, окружение, играет основополагающую роль в образовательном процессе. Она должна конструироваться таким образом, чтобы, попадая в нее, обучающийся непроизвольно оказывался вовлеченным в направленный поток образовательной практики, как бы включался в нее. Среда должна способствовать, стимулировать, мотивировать и исключать иные (вредные) возможности. Как вода для рыбы, так школа/вуз для обучающегося обязаны оказываться сферой, в которой невозможно одновременно находиться и не включаться в общий процесс. Среда формирует «интеллектуальные и эмоциональные установки поведения у индивидуумов путем вовлечения их в деятельность, которая порождает и усиливает определенные побуждения» [\[5, с. 21\]](#) и она же способна устанавливать табу на определенные действия через угрозу осуждения или остракизма. Благодаря среде обучающийся усваивает язык, манеры, приобретает вкус. Рорти добавляет, что среда (социальная группа) вообще формирует из человека лингвистическое животное [\[26\]](#). Согласно Дьюи, школа, как особая среда, во-первых, создает упрощенный макет социума, в котором ребенку легче постигать сложность культуры, во-вторых, призвана по возможности оградить от неприемлемых сторон социальной жизни, в-третьих, компенсировать негативные влияния общества позитивными. Иными словами, согласно Дьюи, школа должна быть не просто формальным социальным институтом, а сообществом равных и увлеченных, занятых общим делом, где ребенок на бессознательном уровне усваивал бы правильные паттерны социального поведения и включался в позитивные социальные практики [\[5, с. 16-27\]](#).

С точки зрения Дьюи, обучающийся изначально находится в группе и через группу усваивает основной массив информации. Более того, он изначально активен и пластичен в усвоении информации. Обучающийся действует и делает это согласно своим собственным интересам. Задача правильно выстроенного образовательного процесса — *следовать за ребенком* в его познавательной активности. С его точки зрения, «истинным ориентиром школьных предметов должна быть не наука, не литература, не история и не

география, а социальная деятельность самого ребёнка» [6]: сначала ребенок действует, совершает поступок, приобретает опыт, а потом и сверх этого получает дополнительные материалы от своих учителей. Т. е., если брать пример литературы, ребенок сначала влюбляется, а после этого читает лирическую поэзию и романы о связанных с влюбленностью переживаниях, а не наоборот. Теория следует за опытом. И опыт следует за теорией. В концепции прагматизма опыт занимает ключевое положение: с него начинается и им заканчивается любой разговор о знании и образовании — благодаря опыту получается *результат*, истинный настолько, насколько он коррелирует с реальностью.

Итак, в основе образовательной программы прагматизма находится *действие*: познание мира через активность, через проведение опытов, через упрощенный (игровой) формат обучения; получение и накопление *опыта*; демократичный и горизонтальный *характер образовательной среды*, в которой учителя выступают партнерами. С точки зрения Р. Рорти подобная организация образовательного пространства помогает раскрыться потенциалу обучающегося, т. к. «в демократическом сообществе принято быть любознательным и коммуникабельным, использовать убеждение вместо силы, предпочитать диалог, сговаривающему общению, свободный и открытый диалог» [3, с. 67]. Действие, опыт и демократичность общения должны способствовать *эмоциональной вовлеченности* учащегося [32, с. 150]. К этому следует добавить *междисциплинарный подход*, при котором нет искусственного разделения общего знания на предметные области, но следующее за познавательной активностью ребенка образование комплексно расширяет его сведения о каком-либо явлении [6]. Все это открывает путь к *творческому развитию* ученика. Прагматизм, по крайней мере в интерпретации Р. Рорти, отрицает жесткие рамки метода, строгую градацию научного и художественного познания мира [3, с. 63], призывает «отказаться от идеи окончательного словаря и стать антифундаменталистом по отношению к знанию» [8, с. 196]. Иными словами, прагматизм видит своим условием определенную целостность (холизм) познания как в его формах, так и в его методах при отрицании строгой/узкой методологии как таковой [14].

Средства: проблемный характер обучения, суть которого заключается в том, что студенты не просто осваивают некую сферу знаний, но, используя свой интеллект, решают некие проблемные ситуации. Преподаватели в прагматистском понимании – это отнюдь не «знатоки», которые осведомлены, что конкретно понадобится студентам в будущем. Они выступают скорее как коллеги в познавательном процессе, как модераторы и проектанты. Такой стиль взаимодействия укладывается в форму полилога – полифонии, в пространстве которой каждый имеет право отстаивать свое мнение. Часть исследователей даже говорит о *коммуникативном повороте* (демократический диалог) в образовании, связанном с прагматизмом [22, с. 77-108].

Конечно, это не означает, что философия прагматизма исключает фундаментальное знание, в ее рамках развивается идея, что обращение к такого рода знанию должно быть инициировано изначальной эмпирической поисковой активностью.

Педагогическими критериями Дьюи являются следующие:

1. Логика, философия и образование являются разновидностями исследования. Логика – это теория исследования, а философия – теория воспитания.
2. Крайне важно, чтобы образование напрямую вовлекало студентов в проблемность предмета, который они пытаются изучить, оно должно способствовать развитию

навыка мыслить проблемно.

3. Студенты должны работать не с рафинированными текстами культуры, а с сырыми текстами текущей социальной реальности с ее проблематикой, т. е. учиться решать текущие проблемы.
4. Примерная схема разбора проблемы может выглядеть так: (а) ситуация до рефлексии, (б) чувство затруднения, (с) сомнения из того, что было принято ранее как должное, (г) сомнение становится вопросом, (е) постановка проблемы, (е) формирование гипотезы, (g) проверка альтернативных гипотез, (h) обнаружение возражений, (i) пересмотр гипотез, (j) применение пересмотренных гипотез к жизненным ситуациям, (k) пострефлексия ситуации.
5. Прагматизм исходит из таких изначальных свойств детей, как: (а) эмоциональность, воздействие на которую увеличивает вовлеченность учащихся в образовательный процесс; (б) социальность: дети естественно склонны работать вместе и их готовность формировать сообщество следует поощрять, а не подавлять; (в) формирование привычки, поскольку привычки необходимы для развития навыков; (г) воображение: детские размышления и воображение имеют тенденцию стимулировать друг друга, что полезно в образовательной практике; (д) заинтересованность, так как детские вопросы о смысле способствуют в дальнейшем развитию у них интереса к окружающему миру [\[32, с. 148-150\]](#).

Иными словами, прагматизм пытается основываться на природных качествах *ребенка как вопрошающего существа*, исходя из максимы, что все *дети от природы ученые*: они интересуются, ставят вопросы, исследуют, объединяются, фантазируют. Ученых в детях губит только формальное и абстрактное образование, которое и требуется адаптировать *под детей*, а не наоборот. Однако не следует думать, что в подобной системе каким-либо образом нивелируется или принижается роль учителя в связи с горизонтальностью коммуникации — несмотря на подобную организацию образовательного процесса, с точки зрения Дьюи, учитель должен находиться «по центру» [\[29, с. 395\]](#), т. е. контролировать и организовывать весь процесс обучения, создавая необходимые условия. Собственно говоря, ни Дьюи, ни Рорти не дают конкретного, программного, перечня того, как нужно организовывать образование; они лишь акцентируют внимание на общих принципах построения эффективного образовательного процесса, достоинствами которого являются: *проектный метод* (творческая деятельность и проектирование), *индивидуализация* (интересы ребенка находятся впереди книжных знаний и требований материала), *акцент на деятельности*, прикладной характер знания (любое знание должно быть применимым и опытным), *демократичность* (прагматизм развивает в ребенке привычку к демократическим ценностям и преданность им) [\[31, с. 78-79\]](#). Относительно значения демократичности как средства организации образовательного процесса необходимо добавить, что, с точки зрения прагматистов, она позволяет лучшим образом учитывать интересы обучающихся и является наиболее удачным способом превратить обучение в совместную деятельность по решению проблем [\[17, с. 6\]](#). Кроме того, с точки зрения Р. Рорти, гуманитарное образование и добродетели необходимы для существования либерализма [\[19, с. 24\]](#). Все эти методы обязаны помогать учащимся создавать новые ценности и значения, накапливать индивидуальный и связанный с практикой опыт, постепенно приспосабливаться к обществу, всесторонне развиваться [\[28, с. 1845\]](#). С точки зрения прагматистов эта образовательная модель должна привить ребенку стремление учиться на протяжении всей жизни: *всю жизнь надлежит воспринимать как одно большое познавательное приключение*.

Однако нужно отметить, что в США вокруг прагматизма разворачивается длительная

полемика между сторонниками и противниками течения. Самого Дьюи часть людей считает и считала спасителем американского общества, а часть сравнивала с Гитлером: он провозглашался спасателем американского образования теми, кто приветствовал большее вовлечение студентов в собственное планирование и деятельность, но его называли «хуже Гитлера» те, кто считал, что он заразил школы эпистемологическим и моральным релятивизмом [27, с. 22]. Предполагаемая угроза идей Дьюи т. н. американским ценностям (христианство, капитализм и даже индивидуализм) и сегодня является популярной темой в американском обществе, особенно на правых, консервативных, сайтах [25, с. 330-336]. Среди минусов прагматизма указываются: (а) отрицание существования определенной (объективной) истины (с точки зрения прагматизма истинно то, что отвечает практике), (б) отвержение универсальности идей и ценностей (они изменяются в зависимости от времени, места, ситуации), (в) отсутствие заранее установленных и определенных целей образования, (г) непризнание духовных ценностей, (д) антиинтеллектуализм (отталкивание от практики и определенное пренебрежение к теории и книжной культуре), (д) небрежность к истории (больше внимание уделяется настоящему и будущему при нивелировании исторического опыта) [31, с. 78], (е) отсутствие инструментов для установления истины [16, с. 95].

Вместе с тем прагматизм остается актуальной образовательной концепцией в США: проводятся параллели между принципами педагогики Дьюи-Рорти и философским образованием для детей (в том числе, в русле набирающей популярность философской практики) [32], отмечается его положительный демократический аспект [21, с. 99-108], указывается, что в условиях, когда в США и Великобритании произошла революция в образовании, выразившаяся в скрытом пренебрежении практичностью, дерегулировании образовательного обеспечения, передаче ответственности от государственного к частным и коммерческим компаниям, в упоре на конкуренцию за счет партнерства, депрофессионализации учителей и снижении ценности обучения до того, что измеримо, те, кто желает подвергнуть сомнению такую революцию, могут найти поддержку в совершенно ином видении образования у Джона Дьюи [23, с. 282].

Таким образом можно акцентировать внимание на трех основных китах прагматизма как метода образования: *критика знаков, консенсуальность истины и образовательного процесса, активная познавательная позиция, отталкивающаяся от примата опыта*. В этом кроются как его сильные, так и его слабые стороны [18, с. 127-129], поскольку подобный подход чрезмерно упрощает многомерность человеческой субъективности и ограничивает значение человеческой способности к воображению, подрезая крылья смотрящим за горизонт данности. Несмотря на это, прагматизм остается актуальной философско-образовательной концепцией в американской (а благодаря Р. Рорти и Ю. Хабермасу и в европейской) среде [32, с. 185-241], а потому требует внимательного изучения.

Библиография

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Джемс У. Прагматизм. СПб.: Изд. «ШИПОВНИКЪ», 1910. 244 с.
3. Джохадзе И. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Едиториал УРСС, 2021. 256 с.
4. Диалог с Ричардом Рорти. Textonly. 1999. № 1. URL: http://www.vavilon.ru/textonly/issue1/rort_int.htm (дата обращения: 03.08.2021)
5. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.

6. Дьюи Дж. Мое педагогическое кредо. URL: <https://altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/7/9> (дата обращения: 03.08.2021)
7. Куликов М. В. Неопрагматизм Ричарда Рорти как продолжение традиций классической американской философии. Автореф. ... дис. к-та филос. наук. Томск, 2006. 18 с.
8. Логинов Е. Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти. Вопросы философии. 2016. № 2. С. 192-203.
9. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
10. Пирс Ч. Как сделать наши идеи ясными / Пирс Ч. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448с.
11. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 318 с.
12. Пирс Ч. С. Что такое знак? Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88-95.
13. Поппер К. Логика научного исследования. М.: АТС: Астрель, 2010. 576 с.
14. Рорти Р. Прагматизм без метода. ЛОГОС. 1996. № 8. С. 155-172.
15. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
16. Abellanosa R. Rorty's Philosophy of Education: Between Orthodoxy and Vulgar Relativism. KRITIKE, 2010. Vol. 4. № 2. P. 87-104.
17. Adeleye J. O. Pragmatism and its implications on teaching and learning in Nigerian schools, Research Highlights in Education and Science. 2017. № 1(1). P. 2-6.
18. Allan G. Higher Education in the Making: Pragmatism, Whitehead, and the Canon. SUNY Press, 2004. 263 p.
19. Curtis W. M. Defending Rorty: Pragmatism and Liberal Virtue. New York, NY, Cambridge University Press, 2015. 300 p.
20. Dalio R. The Changing World Order: Why Nations Succeed and Fail. Simon and Schuster, 2021. 576 p.
21. Devine Ph. E. The New Fuzziness: Richard Rorty on Education. Philosophy Faculty Publications, 1995. 117 p.
22. Garrison J., Neubert S., Reich K. John Dewey's Philosophy of Education: An Introduction and Recontextualization for Our Times. Palgrave Macmillan, 2012. 224 p.
23. Ideas of Education: Philosophy and politics from Plato to Dewey. Routledge, 2013. 213 p.
24. James W. Pragmatism's Conception of Truth. The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1907. Vol. 4. №. 6. P. 141-155.
25. King K. M. Devil, Deceiver, Dupe: Constructing John Dewey from the Right. Journal of Philosophy of Education. Vol. 52. №. 2. 2018. P. 330-344.
26. Khosrow B. N. Richard Rorty's Conception of Philosophy of Education Revisited. Educational Theory. 2014. Vol. 64. №. 1. P. 75-98.
27. Noddings N. Philosophy of education. Westview Press, 1998. 156 p.
28. Rai P. Ch., Lama R. Pragmatism and its contribution to education. International Journal of Creative Research Thoughts (IJCRT). 2020. Vol. 8. Issue 3. P. 1844-1847.
29. Rorty A. Philosophers on Education: New Historical Perspectives. Routledge, 1999. 491 p.

30. Rorty R. Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. 319 p.
31. Sharma S., Devi R., Kumari J. Pragmatism in Education. International Conference on New Frontiers of Engineering, Science, Management and Humanities (ICNFESMH-2018). 2018. P. 74-79.
32. Taylor M., Schreier H., Ghiraldelli Jr. P. Pragmatism, Education, and Children: International Philosophical Perspectives. Amsterdam – New York, NY: Rodopi, 2008. 268 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Трудно не согласиться с автором статьи в том, что политика в области образования имеет принципиальное значение для общества и государства. Можно с уверенностью констатировать, последние десятилетия продемонстрировали, что именно заинтересованное отношение к проблемам развития образования и науки оказывается важнейшим фактором, определяющим достижения общества в самых разных сферах. Правда, автор делает акцент на «конкурентоспособности государства на мировой арене», на «силе» его «суверенитета», на превращении «государства в центр силы, в сверхдержаву», и т.п., тогда как на взгляд рецензента, большая часть соотечественников склонна считать в науке и образовании приоритетными цели социально-экономического развития и сохранения культурного наследия. Далее автор перечисляет несколько «моделей образования», но при этом, как ни странно, он не называет ни одного отечественного автора и проходит мимо огромной по объёму и разнообразию традиции отечественной философско-педагогической мысли. Этот фрагмент производит тем более странное впечатление, что само выражение «философия образования» принадлежит, как известно, В.В. Розанову, который более века назад был озабочен теми же проблемами, о которых пришлось задуматься автору статьи. Не потому ли и, как выражается сам автор, в результате «поиска собственных эффективных моделей» образования, продолжающегося уже три десятилетия, мы не только не приблизились к цели, но, скорее, оказались в опасности потерять её из вида, что вместо выработки «собственных» моделей стремимся обнаружить спасительные чужеземные образовательные практики, не связанные с нашей собственной культурной традицией? Разумеется, и опыт других цивилизаций следует изучать и заимствовать из него лучшее, но вправду ли сегодня именно американский прагматизм способен выступить в этой роли? Собственно, если и можно найти у самого автора какой-то ответ на этот вопрос, то состоит он в том, что именно образовательные учреждения США как страны «победившего прагматизма» лидируют в пресловутых «образовательных рейтингах». Согласимся ли мы признать подобные «аргументы» значимыми в дискуссиях о путях преодоления нашего собственного кризиса в образовании? Укажем также на два частных обстоятельства, которые, однако, недвусмысленно демонстрируют поверхностность авторского подхода к анализу затрагиваемой им сложнейшей проблемы. Автор не к месту (в контексте обсуждения проблем образования) указывает на К. Попера, замечая, что, якобы, «прагматизм прошел (и проходит) этапы верификации и фальсификации». Это явная бессмыслица. Во-первых, «верификация» и «фальсификация» – это не «этапы», которые можно было бы последовательно проходить той или иной образовательной стратегией, а принципы оценки научных теорий, сформулированные (соответственно) в первой половине и середине прошлого века;

первый из них использовался (в качестве «критерия значения») в логическом позитивизме, второй – в собственной концепции Поппера, играя в ней роль исключительно «принципа демаркации» научного знания. И заметим ещё, что прагматизм, разумеется, не является научной теорией. При чём же здесь тогда вообще образовательные стратегии и философия образования? Единственный вывод, который можно сделать, состоит в том, что автор просто не открывал работ упомянутого методолога науки и упомянул «модные выражения» в целях придания своему материалу «респектабельности». Во-вторых, обратим внимание на то, что «анализировать» философию образования американского прагматизма автор вознамерился ... «посредством методологии герменевтического и феноменологического анализа». Думается, это ничуть не более оправданное решение, чем пресловутое суждение о достоинствах рыбы на основании того, как она летает. Неужели автор не отдаёт себе отчёта в том, что подобные заявления просто бессмысленны? Правда, он частично реабилитируется тем, что во всём последующем изложении в действительности нет никакой «феноменологии» и никакой «герменевтики», и словесный фокус был мотивирован теми же стремлениями, которые выше заставили его не к месту потревожить методологию науки. А что же «есть» в последующем изложении? – Вялое изложение общеизвестных фактов истории философии и истории педагогики, которые, конечно же, никак не помогут отечественному педагогическому сообществу в осмыслении путей выхода из кризиса системы образования. Заметим также, что весь текст весьма неряшливо оформлен, в нём то и дело встречаются неоправданные выделения, стилистика нередко также заставляет читателя «вздрогнуть» – остановиться и взглянуть в строки, проверяя, не подводит ли зрение (чего стоит хотя бы «в своей основе прагматизм призывает вести образование во след (и именно отдельно! – рецензент) познавательной активности обучающегося»; «обучающийся» – это, по-видимому, бюрократическое клише, заменившее в последние годы учеников, студентов, аспирантов). Приходится констатировать, что в представленном материале отсутствует какое-либо самостоятельное содержание, которое оправдывало бы его публикацию в научном журнале, рекомендую его отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Прагматизм в образовании: философские основания и педагогическая практика» предмет исследования – изучение прагматизма как философии и практики образования. Цель исследования в самой работе не конкретизирована.

Методология исследования базируется на таком долго существующем и популярном философском течении как прагматизм, который рассматривается в качестве влиятельной образовательной парадигмы. Работа построена на анализе положений прагматизма, ведущихся вокруг него теоретических споров, а также большого опыта практического применения. Методами исследования выступают традиционный анализ научной литературы и сравнительно-сопоставительных анализ в рамках методологии герменевтического и феноменологического анализа.

Актуальность поднятой темы обусловлена важностью образования как части социальной практики и государственной политики. Отставание в развитии методологии ведёт к подрыву качества как общего, так и профессионального образования, падению его статуса и роли в системе общественных институтов, а, тем самым, к снижению культурно-

образовательного потенциала страны, её независимости, престижа и роли в мировом сообществе. Следует согласиться, что «от удачной модели образования зависит то, насколько конкурентоспособным окажется государство на мировой арене, насколько сильным будет его суверенитет, насколько вероятно превращение государства в центр силы».

Научная новизна публикации связана с обоснованием положения, что в основе образовательной программы прагматизма находится действие (познание мира через активность, проведение опытов, игровой формат обучения); получение и накопление опыта; демократичный и горизонтальный характер образовательной среды, в которой учителя выступают партнёрами. При этом сам прагматизм как метод образования в качестве философских основ принимает критику знаков, консенсуальность истины и образовательного процесса, активную познавательную позицию, отталкивающаяся от примата опыта. Следует также согласиться с позицией автора(ов) статьи о необходимости внимательного изучения прагматизма, поскольку он остаётся актуальной философско-образовательной концепцией в американской среде. Выводы, сформулированные в статье, в целом обоснованы.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью и грамотностью изложения материала. Содержание соответствует требованиям научного текста. Статье присущ высокий уровень философской рефлексии. Она будет представлять интерес для специалистов в области философии образования.

Библиография работы включает 32 работы, представленных на русском языке и английском языке. В списке публикаций присутствуют работы как классиков прагматизма, так и их критиков, и последователей. Вследствие этого, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Таким образом, статья «Прагматизм в образовании: философские основания и педагогическая практика» имеет научно-теоретическую значимость, соответствует отрасли – философские науки. Работа может быть опубликована.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Глуздов Д.В. — Взаимодействие философской антропологии и нейронаук в контексте вопросов естественного и искусственного интеллекта // Философская мысль. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.7.39854 EDN: TXVKDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39854

Взаимодействие философской антропологии и нейронаук в контексте вопросов естественного и искусственного интеллекта

Глуздов Дмитрий Викторович

ORCID: 0000-0001-7043-5139

аспирант, кафедра философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

✉ dmitry.gluzdov@mail.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.7.39854

EDN:

TXVKDG

Дата направления статьи в редакцию:

26-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является отношение между философской антропологией, занимающейся вопросами о природе и сущности человека, и нейронауками, которые изучают нейронные процессы – работу мозга и нервной системы. В частности, настоящая статья представляет собой рассмотрение того, как эти две области исследования могут пролить свет на вопросы, связанные с естественным и искусственным интеллектом, такие как природа сознания и интеллекта, а также возможность создания сознательных машин и этические последствия разработки искусственного интеллекта. Исследование предполагает взгляд на междисциплинарный подход. В методологическом плане в данной работе ключевыми являются исторический, диалектический методы, но также используются герменевтический и феноменологический подходы, наиболее часто используемые в философских исследованиях. Новизна исследования заключается в попытке преодолеть разрыв между философской и эмпирической точками зрения в рассматриваемой области. В рамках данного исследования на роль эксперта, способного дать гуманистическую экспертизу предлагается философ – представитель философской антропологии, учения

о сущности и природе человека, что даёт предположить на наиболее «объективную» оценку. Предмет исследования предлагает формирование многообещающего подхода к разностороннему пониманию человека. Несмотря на проблемы, взаимодействие философской антропологии и нейронаук может дать ценную информацию о некоторых из наиболее фундаментальных и неуловимых аспектов человеческого опыта, таких как сознание, самость и свобода воли. Взаимодействие философской антропологии и нейронаук можно рассматривать как диалог между двумя подходами к пониманию состояния человека. Философская антропология предлагает концептуальную основу для размышлений о природе человеческого опыта, в то время как нейронаука предоставляет эмпирические данные, которые могут помочь проверить и уточнить философские теории. Вместе эти две области могут помочь пролить свет на некоторые из самых фундаментальных вопросов о том, что значит быть человеком.

Ключевые слова:

философская антропология, нейронауки, человек, искусственный интеллект, естественный интеллект, сознание, свобода воли, диалог, разум и тело, междисциплинарный подход

Введение

В современном изучение темы интеллекта можно выделить две заметные и имеющие значительные отличия ветви – это изучение естественного и искусственного интеллектов. Обе они развиваются в первую очередь самостоятельно, так как требуют привлечения необходимых именно им учёных и специалистов, связанных с соответствующими категориями задач (например, медиков, психологов, химиков против математиков и программистов), и которые чаще всего не пересекаются в своих предметах друг с другом. Но нельзя не отметить, что особое место среди учёных в изучении естественного и искусственного интеллектов занимают философы [\[1\]](#), которые подходят к вопросу не с позиции частных наук, а с общих позиций философии или позиций частных философий, таких как философия сознания, философия искусственного интеллекта [\[2\]](#) и т.п.. А следуя «заветам» Канта здесь можно обозначить и главную философию – философию человека.

Несмотря на высказанный тезис о независимости развития в изучении разных интеллектов, всё же надо понимать, что высказывание является не совсем корректным, так как оба направления несомненно затрагивают общие вопросы, связанные с интеллектом, а значит взаимодополняют друг друга [\[3\]](#). Более того, вопрос о потенциях взаимодействия этих интеллектов является одним из тех, что беспокоят как обывателей, так и учёных. Рассмотрение наличия оснований взаимодействия естественного и искусственного интеллектов, а также возможности влияния философии на вектор развития наук связанных с интеллектом, в той или иной мере затрагивается в ряде исследований [\[4, с.19-20\]](#). Но, на наш взгляд, в этих исследованиях (как минимум в отечественных исследованиях) мало обозначила себя философская антропология – самая «человечная» из философий.

Проблемы изучения естественного интеллекта и возможности вовлечения в решение вопросов развития искусственного интеллекта [\[5\]](#) можно рассматривать с позиций анализа установок сознания, познавательных способностей человека, его роли в

происходящих цивилизационных изменениях. Проблемы создаваемые растущими планами и задачами цифровизации общества, расширяющимся цифровым форматом жизни, скорость с которой происходит наращивание и изменение контента, а также регулярно поднимаемая в повестке проблема искусственного интеллекта – это тот небольшой перечень изменений, которые происходят в бытие человека нашего века. Сущность и содержание этих вопросов предлагается рассмотреть с позиции взаимодействия философской антропологии и нейронаук, что представляет из себя актуальность данного исследования из-за слабой на наш взгляд проработанности в научной литературе.

Если говорить о философской антропологии и нейронауках, то про оба направления можно сказать, что они сформировались совсем недавно, являясь относительно молодыми дисциплинами. Хотя первые исследования структуры и функций мозга проводились в 19 веке, только в середине 20 века нейронаука начала формироваться как выделенная область. Достижения в области технологий, такие как изобретение электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и разработка методов исследования мозга с использованием радиоактивных индикаторов, помогли продвинуть нейронауку вперед. Во второй половине 20-го века нейронауки начали делать значительные успехи в понимании мозга и его роли в поведении и сознании.

Нейронауки, которые представляют популярное и развивающееся направление в науке, и философская антропология, как наука, изучающая природу и бытие человека, на фоне качественно меняющегося человеческого бытия, вместе могут быть частью междисциплинарного осмысления проблемы. По этой причине в данной статье объектом исследования выступают проблемы и перспективы совместного развития нейронаук и философской антропологии.

Теоретическая значимость статьи связана с ситуацией недостаточного раскрытия в литературе темы взаимодействия философской антропологии и нейронаук. Это позволяет обратить внимание на данную проблему с целью её сформулировать обозначить возможные вопросы, что будет способствовать дальнейшему поиску решений.

Обзор литературы

Философская антропология и нейронауки – две области, которые на первый взгляд как может показаться имеют мало общего. Философская антропология занимается вопросами о человеческой природе, цели человеческого существования и природе человеческого опыта. С другой стороны, нейронауки – это научная дисциплина, изучающая структуру, функции и развитие нервной системы и мозга. Однако эти две области все чаще рассматриваются как взаимодополняющие, поскольку обе они стремятся понять состояние человека с разных позиций.

Не выходя за границы философской антропологии и останавливаясь только вопросах интеллекта с точки зрения проблемы философии сознания, можно отметить, что в европейской философии вопрос о природе человека и о его сознании возникал постоянно. Так в Новое время активно поднимались вопросы как о самом мышлении человека, так и о характере этого мышления. И естественно, что именно в это время происходит сравнение естественного человеческого интеллекта с машиной. В то время, когда происходило взрывное развитие механики как науки, не удивительно, что сравнение интеллекта сводилось к сравнению с часами, как с машиной, которая была больше всего изучена и развита. Подобное сравнение с часами мы обнаруживаем у разных философов Нового времени и в первую очередь у Рене Декарта, Готфрида

Лейбница и у Жюльена Офре де Ламеттри.

Переходя к современной постановке проблемы сознания, отметим, что данным вопросом занимались такие западные философы, как К.-О. Апель, Д. Армстронг, С. Блэкмор, Д. Деннет, У. Джеймс, Сол Крипке, У. Ван О. Куайн, К. Макгин, Т. Нагель, Дж. Остин, Дев Папино, Дж. Пассмор, С. Пинкер, Чарльз С. Пирс, У. Плейс, К. Поппер, Г. Райл, Б. Рассел, Дж. Серл, У. Сمارт, П. Стросон, Дж. Фодор, Г. Фреге, Ю. Хабермас, Н. Хомский, Д. Чалмерс, Дж. Экклз, А. Элитцур. Схожие вопросы, касающиеся в первую очередь естественного интеллекта и сознания изучались и изучаются нашими отечественными философами такими как А. Ю. Алексеев, В. В. Васильев, Д. Б. Волков, И. Г. Гаспаров, В. В. Горбатов, Д. И. Дубровский, А. М. Иваницкий, Д. В. Иванов, В. А. Лекторский, С. Ф. Нагуманова, Ю. В. Орфеев, В. И. Самохвалова, А. Г. Спиркин, В. С. Тютин, Т. В. Черниговская, Б. Г. Юдин, Н. С. Юлина. Тесно связаны вопросы интеллекта и сознания с исследованиями, проводимыми в нейронауке.

Но и проблемы искусственного интеллекта, так же находят отражение в работах многих зарубежных учёными, среди которых М. Арбиб, Дж. Вейценбаум, С. Дрейфус, Х. Дрейфус, Дж. Маккинси, Х. Патнэм, Р. Пенроуз, Б. Розенблум, А. Тьюринг, Р. Шенк. Несомненно, не обходят эту тему отечественные ученые и философы, среди которых А. П. Алексеев, А. Ю. Алексеев, И. Ю. Алексеева, В. В. Васильев, Д. Б. Волков, Д. И. Дубровский, А. Ф. Зотов, В. А. Лекторский, А. П. Огурцов, Ю. В. Орфеев, В. И. Самохвалов, Н. М. Смирнова, А. Г. Спиркин, В. С. Тютин, Н. С. Юлина.

Отношение между разумом и телом

Отношения между разумом и телом это, наверное, центральная тема присущая и философской антропологии, и нейронауками – один из значимых вопросов. На протяжении многих веков одной из позиций философов разума было восприятие его (разума) в виде нефизической субстанцией, отдельной от тела. Этот взгляд известен как дуализм, основоположником которого можно считать Аристотеля и несомненно, его связывают с Рене Декартом. В данном случае имеется в виду субстанциональный дуализм, когда материальное и идеальное различаются в своих фундаментальных свойствах. Другой формой дуализма, не признающего существование особой духовной субстанции, является дуализм свойств (качеств). Согласно ему отсутствуют духовные субстанции, которые «заменяет» мозг, порождающий психические феномены.

Однако в последние годы достижения в области нейронаук поставили под сомнение эту точку зрения. Ученые обнаружили, что психические состояния, такие как мысли и эмоции, имеют физическую основу в мозгу. Одной из ключевых идей нейронаук является концепция нейропластичности, которая относится к способности мозга изменяться и адаптироваться в ответ на новый опыт. Эта идея бросает вызов традиционным философским взглядам, рассматривающим разум как сущность, отдельную от тела. Нейропластичность предполагает, что разум постоянно меняется в ответ на окружающую среду и что мозг является активным участником этого процесса. Это привело к укреплению взгляда на отношения разума и тела, известного как материализм. Материалисты утверждают, что ментальные состояния полностью сводятся к физическим состояниям и что нет необходимости постулировать отдельную нефизическую субстанцию для объяснения разума.

Хотя среди философов продолжают вестись споры о природе разума, несомненно, разум и тело тесно связаны. На наше психическое состояние влияет физическое состояние нашего тела, и наоборот. Например, исследования показали, что физические

упражнения могут оказывать положительное влияние на психическое здоровье, улучшая познавательные способности [\[6, 7\]](#), уменьшая симптомы депрессии и беспокойства [\[8\]](#). Точно так же стресс и другие психические состояния могут оказывать негативное влияние на физическое здоровье, увеличивая риск хронических заболеваний, таких как болезни сердца и диабет [\[9, 10\]](#).

Отношения между разумом и телом также влияют на наше отношение к себе и окружающему миру. Если мы рассматриваем разум и тело как отдельные сущности, мы с большей вероятностью будем отдавать предпочтение ментальным состояниям над физическими или рассматривать наши тела как простые инструменты для использования разума. И наоборот, если мы рассматриваем ментальные состояния как сводимые к физическим состояниям, мы с большей вероятностью будем отдавать предпочтение здоровью и благополучию нашего тела, а не погоне за ментальными состояниями, такими как счастье или просветление.

Более того, наше отношение к взаимосвязи разума и тела может иметь серьезные последствия для того, как мы воспринимаем других людей и окружающий мир природы. Например, если мы рассматриваем разум и тело как отдельные сущности, мы с большей вероятностью будем рассматривать других людей как бестелесные разумы, а не как сложные физические организмы со своими потребностями и желаниями. Точно так же, если мы рассматриваем мир природы как совокупность физических объектов, мы с большей вероятностью будем рассматривать его как нечто, что можно использовать в наших собственных целях, а не как сложную сеть взаимозависимых систем, частью которой мы являемся.

В последние годы исследования также пролили новый свет на то, как культура и общество формируют наше отношение к отношениям между разумом и телом. В разных обществах существуют разные представления о природе разума и тела, и эти убеждения могут оказывать глубокое влияние на образ жизни людей. Например, в некоторых обществах разум и тело считаются тесно взаимосвязанными, а физическому здоровью и благополучию отдается более высокий приоритет, чем духовным занятиям. В других обществах, напротив, разум и тело рассматриваются как отдельные сущности, и психическим состояниям отдается более высокий приоритет, чем физическим.

Философская антропология также внесла свой вклад в наше понимание отношений между разумом и телом. Одной из ключевых идей философской антропологии является концепция воплощения [\[11, с.93\]](#), предполагающая, что тело – это не просто физическая оболочка, в которой находится разум, а неотъемлемая часть человеческого опыта. Эта идея противопоставляет себя традиционным дуалистическим взглядам, согласно которым разум отделен от тела, и подчеркивает важность понимания тела как места переживания и смысла.

Вместе эти идеи предполагают, что отношения между разумом и телом сложны и многогранны и то, что их нельзя понять только с помощью философской антропологии или нейронауки – здесь они могут работать вместе.

Сознание и интеллект

Сознание и интеллект – одни из самых загадочных и неуловимых аспектов человеческого опыта, и не удивительно, что являются темами, которые находятся в поле зрения и изучаются как философской антропологии, так и нейронауками.

Одним из ключевых открытий нейронаук является то, что сознание и интеллект связаны

с определенными шаблонами активности мозга. Например, определенные области мозга, такие как префронтальная кора и теменная кора, постоянно активируются во время сознательного опыта и задействованы в осуществлении сложных интеллектуальных процессов. Это говорит о том, что существует прямая связь между мозговой активностью и сознательным опытом и интеллектуальной деятельностью, и что сознание и интеллект являются не просто побочным продуктом мозговой деятельности, но также и ее неотъемлемой частью.

Нейронауки также исследуют механизмы, порождающие сознательный опыт, такие как внимание, восприятие и память. Например, исследования показали, что внимание играет решающую роль в формировании сознательного опыта, избирательно усиливая одни сенсорные входы и подавляя другие. Точно так же исследования показали, что память может влиять на сознательный опыт, предоставляя основу для интерпретации сенсорной информации.

Несомненно, что сознание и интеллект – это сложные и многогранные феномены, которые не могут, а точнее не должны быть рассмотрены только с позиций или философии, или нейронаук. Вместо этого для более полного понимания требуется междисциплинарный подход, сочетающий в себе знания и идеи из обеих областей наук.

Нейронауки и свобода воли

Свобода воли – это еще один аспект человеческого опыта, который был в центре внимания как философской антропологии, так и нейронаук. Нейронауки бросили вызов традиционным философским взглядам на свободу воли, предполагая, что наши решения и действия являются результатом сложных нейронных процессов, которые в значительной степени находятся вне нашего сознательного контроля.

Здесь одним из ключевых открытий является то, что на наши решения и действия влияет широкий спектр факторов, таких как окружающая среда и текущая обстановка, наше воспитание и наша генетическая структура. Это говорит о том, что наши действия не являются следствием нашей возможности принимать свободные решения, а формируются в результате сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов.

Нейронаука также исследовала роль мозга в принятии решений и планировании действий. Например, исследования показали, что префронтальная кора играет решающую роль в принятии решений, объединяя информацию из разных частей мозга и взвешивая плюсы и минусы различных вариантов. Точно так же исследования показали, что моторная кора участвует в планировании и выполнении произвольных движений.

Философская антропология также внесла свой вклад в наше понимание свободы воли, исследуя отношения между свободой и ответственностью. Одной из ключевых идей философской антропологии является концепция моральной ответственности, предполагающая, что на наши действия влияют не только внутренние и внешние факторы, но и наш собственный выбор и намерения. Эта идея бросает вызов детерминистскому взгляду на человеческое поведение (что ассоциируется с нейронаукой) и подчеркивает важность понимания человеческих действий в контексте моральных и этических рамок.

Несомненно, свобода воли – сложное и многогранное явление. По этой причине, изучение проблемы в одиночку только философией или только нейронаукой – однобоко. Сочетание общих усилий может дать более глубокие и разноплановые результаты.

Недостатки междисциплинарного подхода

Несмотря на то, что взаимодействие философской антропологии и нейронаук может предоставить ценные данные о человеке, у этого междисциплинарного подхода также есть серьезные проблемы и ограничения.

Одной из основных проблем является сложность и многоаспектность предмета. И философская антропология, и нейронауки занимаются некоторыми из наиболее фундаментальных и неуловимых аспектов человеческого опыта, такими как сознание и интеллект, самость [\[13\]](#) и свобода воли. Существует сложность в формулировании однозначного и чёткого (как в математике или физике) определения и/или проведения измерения, что затрудняет разработку действительно интегрированного и всестороннего понимания человека.

Еще одной проблемой является сам междисциплинарный характер подхода. Философская антропология и нейронауки исходят из очень разных дисциплин и используют кроме общих, разные методы исследования. Преодоление разрыва между этими двумя областями требует значительного сотрудничества и общения участников научной работы, чего не всегда легко достичь.

Заключение

Можно сделать вывод, что предмет исследования рассмотренный в данной статье предлагает (и имеет для этого все потенции) в обеспечении многообещающего подхода к разностороннему пониманию человека.

Однако этот подход также сопряжен со явными проблемами и ограничениями, такими как сложность предмета, междисциплинарный характер, а также этические и социальные соображения, которые необходимо учитывать [\[17\]](#).

Несмотря на эти проблемы, взаимодействие философской антропологии и нейронаук может дать ценную информацию о некоторых из наиболее фундаментальных и неуловимых аспектов человеческого опыта, таких как сознание, самость и свобода воли. Продолжая исследовать пересечение этих двух областей, мы можем углубить наше понимание условий жизни человека и разработать более эффективные подходы к решению некоторых из самых насущных проблем, стоящих сегодня перед человечеством.

Взаимодействие между философской антропологией и нейронаукой можно рассматривать как диалог между двумя подходами к пониманию состояния человека. Философская антропология предлагает концептуальную основу для размышлений о природе человеческого опыта, в то время как нейронауки предоставляют эмпирические данные, которые могут помочь проверить и уточнить философские теории. Вместе эти две области могут помочь пролить свет на некоторые из самых фундаментальных вопросов о том, что значит быть человеком.

Библиография

1. Bennett M.R., Hacker P.M.S. Philosophical Foundations of Neuroscience, 2nd Edition. – Wiley-Blackwell – 2022 – P.564.
2. Müller V.C. Philosophy and Theory of Artificial Intelligence – Springer Nature, 2021 – DOI: 10.1007/978-3-031-09153-7
3. Macpherson T., Churchland A., Sejnowski T., DiCarlo J., Kamitani Y., Takahashi H., Hikid T. Natural and Artificial Intelligence-A brief introduction to the interplay between

- AI and neuroscience research – Neural Networks. V.144. – December 2021. – pp. 603-613. DOI: 10.1016/j.neunet.2021.09.018
4. Глуздов Д.В. Философско-антропологические основания взаимодействия искусственного и естественного интеллекта // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 4. С. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-4-15
 5. Розин В.М. – Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая // Философская мысль. – 2023. – № 2. – С.102-114. – DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39739 EDN: DDLZIT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39739
 6. Грачева Д.В., Фарзалиев Д.А. Влияние физической нагрузки на когнитивное развитие студентов // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2021. №3. DOI: 10.24412/2305-8404-2021-3-24-29
 7. Курдюкова С.В., Воротник А.Н., Третьяков А.А., Кулиничев А.Н., Ткаченко А.И. Исследование уровня знаний курсантов о влиянии физических упражнений на умственную работоспособность // Ученые записки университета Лесгафта. – 2021. №7 (197). – С.186-191 – DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.7.
 8. Гулятьева В.В., Зинченко М.И., Урюмцев Д.Ю., Кривошеков С.Г., Афтanas Л.И. Физическая нагрузка при лечении депрессии. Физиологические механизмы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова – 2019 – Т.119 №7 – с.112-119 – DOI: 10.17116/jnevro2019119071112
 9. Драпкина О.М., Шишкова В.Н., Котова М.Б. Психоэмоциональные факторы риска хронических неинфекционных заболеваний в амбулаторной практике // Кардиоваскулярная терапия и профилактика – 2022. №10 – DOI:10.15829/1728-8800-2022-3438
 10. Омеляненко М.Г., Шумакова В.А., Суховой Н.А., Щапова Н.Н. Психоэмоциональные нарушения и эндотелиальная дисфункция в развитии сердечно-сосудистых заболеваний, ассоциированных с атеросклерозом // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины – 2014. №3 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihoeemotsionalnye-narusheniya-i-endotelialnaya-disfunktsiya-v-razvitii-serdechno-sosudistykh-zabolevaniy-assotsiirovannyh-s> (дата обращения: 03.03.2023).
 11. Чапны Е.В. Телесные глубины ментальных процессов. Философско-антропологический аспект. – «Lambert Academic Publishing» – 2013. – С.152.
 12. Calzavarini F., Viola M. Neural Mechanisms. New Challenges in the Philosophy of Neuroscience – Springer Nature, 2021 – P. 506. – DOI: 10.1007/978-3-030-54092-0
 13. Дорофеев Д.Ю. Антропологические концепты: "самость", индивидуальность, субъект, личность // Экзистенциальный анализ. Москва. – №6, 2014. – С.247-270
 14. Петрова Г.И. Философская антропология и антропологическая проблематика в философии. – Томск: Издательство НТЛ. – 2002. – 160с.
 15. Churchland P.S. Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain – Boston: The MIT Press, 1989. – P.542 – DOI: 10.7551/mitpress/4952.001.0001
 16. Лекторский В. А. Исследование интеллектуальных процессов в современной когнитивной науке: философские проблемы. // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы. – М.:«Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 3-16.
 17. Лекторский В. А. Философия, искусственный интеллект, когнитивные исследования // Материалы Всерос. междисциплинар. конф., посвящ. шестидесятилетию исслед. искусств. интеллекта (г. Москва, 17–18 марта 2016 г.) – М.: ИИнтелл, 2017. – С. 87-

94.

18. Wei Xu, Marvin J. Dainoff, Liezhong Ge, Zaifeng Gao. From Human-Computer Interaction to Human-AI Interaction: New Challenges and Opportunities for Enabling Human-Centered AI – 2021. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/351545957_From_Human-Computer_Interaction_to_Human-AI_Interaction_New_Challenges_and_Opportunities_for_Enabling_Human-Centered_AI (дата обращения: 03.03.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи " Взаимодействие философской антропологии и нейронаук в контексте вопросов естественного и искусственного интеллекта" выступают проблемы и перспективы совместного развития нейронаук и философской антропологии. Методология исследования носит гипотетико-дедуктивный характер. Автор в своей работе дает обзор преимуществ и возможных трудностей в совместном исследовании сознания антропологией и нейронаукой.

Актуальность исследования вытекает из существования нерешенных «открытых» вопросов в изучении сознания и важности их освещения в ситуации быстрого развития области искусственного интеллекта.

Научная новизна статьи связана недостаточной изученностью темы взаимодействия философской антропологии и нейронаук.

Стиль статьи позволяет отнести ее к обзорным научным текстам. Автор достаточно компетентно создает у читателя представление о необходимости соединения усилий нейронауки и философской антропологии в осмыслении сознания.

Структура и содержание. Статья имеет авторское деление на части. Во введении определяется предмет и цель исследования, его актуальность. В части «Обзор литературы» автор статьи достаточно обобщенно перечисляет ученых, занимающихся исследованием проблематики статьи, подразделяя их на три группы. К первой группе отнесены западные философы-теоретики, такие как К-О. Апель, Д. Армстронг, С. Блэкмор, Д. Деннет, У. Джеймс, Сол Крипке, У. Ван О. Куайн, К. Макгин и др. Во вторую группу вошли, отечественные философы, занимающиеся вопросами естественного интеллекта и сознания, такие как А. Ю. Алексеев, В. В. Васильев, Д. Б. Волков, Д. И. Дубровский, А. Г. Спиркин, и др. В третью группу автор статьи объединяет философов, специализирующихся на проблемах искусственного интеллекта: М. Арбиба, С. Дрейфуса, Дж. Маккинси, Х. Б. Розенблума, А. Тьюринга и др. В следующей части статьи анализируются отношения между разумом и телом, и признается, что их нельзя понять только с помощью философской антропологии или нейронауки – здесь они должны работать вместе. В разделе «Сознание и интеллект» обосновывается связь сознания и интеллекта с определенными шаблонами активности мозга. В дальнейшем дается обзор проблемы свободной воли и нейронауки. Важным является раздел «Недостатки междисциплинарного подхода», в котором автор рассматривает две основные проблемы. Первая из них - сложность в формулировании однозначного и «чёткого определения и/или проведения измерения, что затрудняет разработку действительно интегрированного и всестороннего понимания человека». Вторая проблема – состыковка разных методов исследования, которые в нейронауке, по преимуществу

естественно-научные, а в философской антропологии - гуманитарные.

Библиография включает 18 работ, как на русском, так и на английском языках.

Апелляция к оппонентам присутствует в виде ссылок на исследования других авторов по обсуждаемой теме.

Выводы статьи указывают на ее поисковый характер. Автор приходит к выводу о том, что взаимодействие философской антропологии и нейронаук может дать ценную информацию о сознании, самости и свободе воли, углубить наше понимание условий жизни человека и разработать более эффективные подходы к решению некоторых из самых насущных проблем, стоящих сегодня перед человечеством.

Интерес читательской аудитории может быть связан с тематикой работы и осмыслением тех междисциплинарных аспектов, которые в ней поднимаются.

Англоязычные метаданные

The screen as a determinant of time acceleration

Grigoryev Sergey Leonidovich

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev

127434, Russia, Moscow, ul. Timiryazevskaya, 49

✉ grigoryevdiss@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the current trend of accelerating cultural dynamics, as well as the real reason for the emergence of a subjective sense of acceleration of socio-cultural time - the acceleration of the pace of STP and the diversity of the technosphere surrounding the individual. Another such reason is the overuse of information. The classical model of time, which assumes that all possible changes in the continuously moving world are interconnected in space and time, is partially deformed, partially annulled in the conditions of modern information culture. The process of revising classical models of time perception in combination with its individualization was initiated by the philosophical trends of existentialism and postmodernism. The research is based on the concept of digital capitalism by J. Weissman, is a purposeful consideration and comprehensive analysis of a number of new views on the phenomenon of the screen, as well as on the features of structuring and representation for the recipient of his internal virtual space, which have a direct impact on perception, resulting in the appearance of the effect of subjectively perceived acceleration of time. Special attention is paid to the analysis of the nature of the interactions formed between the screen and the viewer (user, viewer, gamer, etc.). The existence of a modern person is increasingly becoming a simulation, and the time of existence is commercialized and becomes the subject of symbolic exchange and consumption. According to the results of the study, the most noticeable features of the formed interactions, their imitative and simulation nature, forcibly modeling the effect of time acceleration are identified and analyzed. The screen of an electronic device (smartphone, tablet, TV) located next to a person in the conditions of a network society forms a new type of intersubjectivity, within which it acquires many functions, the number of which is constantly growing. In conclusion, the author's philosophical interpretation of the problem of screen-human interaction is presented, based on the concept of J. Weissman, the analysis of modern cultural trends of acceleration and deceleration is carried out, the general socio-cultural prospects of these processes are evaluated.

Keywords: socio-cultural dynamics, boost, overuse of information, time as an experience, existential time, social models of time, socio-cultural acceleration, sacralizing the screen, screen culture, screen quality

References (transliterated)

1. Vaisman D. Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri tsifrovom kapitalizme. Moskva: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2019. 304 s.
2. Viril'o P. Mashina zreniya. SPb.: Nauka, 2004. 144 s.
3. Galanina N.V. Ponimanie determinatsii v filosofskom analize // Vestnik MU MVD RF. 2016. № 2. S. 21–23.

4. Golovashina O.V. Kommertsializatsiya vremeni: tsennost' i tsena momenta // Fractal Simulation. 2016. № 1. S. 25–34.
5. Golovashina O.V. Modernizatsiya kak Evropeiskii proekt: lineinaya model' vremeni i transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy // Fractal Simulation. 2012. № 2. S. 36–44.
6. Golovashina O.V. Fenomen modernizatsii i transformatsii sotsial'nogo vremeni // Izvestiya TamGU. 2012. № 11(115). С. 269–275.
7. Grigor'ev S.L. Eticheskie ekzistentsialy sovremennoi ekrannoi kul'tury (na primere britanskogo seriala «Black mirror») // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2022. № 8(100). S. 39–44.
8. D'yakonov I.M. Puti istorii. Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei. Moskva: KomKniga, 2007. 384 s.
9. Zherebin V.M. Sovremennoe vospriyatie vremeni i uskorenie tempa zhizni // Narodonaselenie. 2014. № 2. S. 72–82.
10. Kapitsa S.P. Ob uskorenii istoricheskogo vremeni // Novaya i noveishaya istoriya. 2004. № 6. S. 3–16.
11. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura: Per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana. Moskva: GU VShE, 2000. 608 s.
12. Lishaev S.A. Neo-anakhronichnye formy sushchestvovaniya v kontekste sovremennosti (temporal'naya mnogoukladnost' i praktiki zamedleniya) // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya. 2019. № 2(26). S. 134–148.
13. Oizerman T.I. Kantovskaya kontseptsiya prostranstva i vremeni // Kantovskii sbornik. 2009. S. 7 – 19.
14. Poznin V.F. Khudozhestvennoe prostranstvo i vremya v ekrannom khronotope // Vestnik SPbGU. 2019. № 1. (Т. 9). S. 93–109.
15. Poznin V.F. Ekrannoe prostranstvo: real'noe i voobrazhaemoe // Vestnik SPbGU. 2015. № 1 (Т.15). S. 18–25.
16. Saenko N.R. «Medlennoe dvizhenie» kak strategiya dukhovnoi bezopasnosti v sovremennoi kul'ture // Kommunikativnye tekhnologii v obrazovanii, biznese, politike i prave: problemy i perspektivy realizatsii v sovremennoi tsifrovoy srede : sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Volgograd, 06–08 dekabrya 2018 goda / Otvetstvennyi redaktor M. R. Zheltukhina. Volgograd: Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU "Peremena", 2019. S. 112–113.
17. Saenko N.R. Skorost': bedstvie ili blago? (Retsenziya na knigu D. Vaisman «Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri tsifrovom kapitalizme») // Servis plus. 2019. Т. 13. № 3. S. 93–95.
18. Saenko N.R., Khrustova V.S. Bytie cheloveka v usloviyakh uskoreniya sotsiokul'turnoi dinamiki // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 2-2(40). S. 175–178.
19. Shcheglova L.V., Saenko N.R. Paradoksy sotsial'nogo vremeni // Filosofiya v politsestrichnom mire : Sbornik nauchnykh statei, Moskva, 28–30 maya 2020 goda. Moskva: Novye pechatnye tekhnologii, 2020. S. 1310–1313.

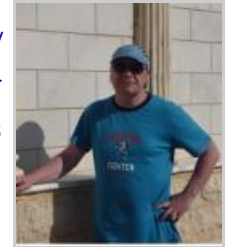
Abstracting Objects on the Example of the Concept "Color". The Phenomenological Aspect

PhD in Philosophy

Independent researcher

214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, Nogina str., 32, sq. 26

✉ kvg-17@mail.ru

Abstract. The features of abstracting objects in three segments of reality differing in "size" are investigated: "situation", "co-existence" (situations) and "universe". At the same time, abstraction of objects can be of two types: "internal" and "external". In the first case, it is an idealization according to an intrinsic property, in the second case, it is a distraction from some external aspects set in the corresponding segment of reality, in the region of being in which the object has meaning. The purpose of the work is to identify the features of abstracting objects with a phenomenological approach. The general concept is due to the interval methodology. It is noted that with the phenomenological approach, the nature of abstraction depends entirely on the "size" of the corresponding segment of reality (in the methodology, the abstraction interval). The presented innovations are described in detail on the example of the concept "color". The difference between the concept of "color" (as a result of "internal" abstraction) and the concept of "color" ("external" abstraction) is revealed. The role of a specific color, categories of color and chromaticity in the intending of objects of color reality is differentiated. The abstraction of color in different segments of reality is studied, in particular, a specific color in a "situation", a category of color in a "co-existence" and, finally, chromaticity in a "universe". The special role of gray (achromatic) color in vision is revealed. The abstraction of gray color plays an important role in the perception of colors both in everyday life and in aesthetics (painting).

Keywords: complementarity of colors, reality segment, given, color continuum, the universe, chroma, gray color, interval methodology, color contrast, black and white photo

References (transliterated)

1. Asmus V.F. Logika. M.: URSS, 2001. 392 c.
2. Gartman N. K osnovopolozheniyu ontologii. SPb.: Nauka, 2003. 640 s.
3. Gete I.V. Ocherk ucheniya o tsvete / Gete I. V. Izbrannye filosofskie sochineniya. M.: Nauka, 1964. S. 130–135.
4. Isaev A.A. Fenomen tsveta v kontekste bytiya cheloveka: opyt filosofskogo analiza: dissertatsiya... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.01 / Isaev Aleksandr Arkad'evich. – Magnitogorsk, 2006. – 139 s.
5. Isaeva M.V. Tsvet v kul'ture chelovecheskogo bytiya // Voprosy kul'turologii. 2010. №11. S. 91–95.
6. Itten I. Iskusstvo tsveta. M.: D. Aronov, 2004. 95 s.
7. Kazakov M.A. Uznaet li Meri khot' chto-nibud' novoe // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2015. T. 43. №1. S. 98–111.
8. Kreminskii A.I. Interval'naya metodologiya v kontekste prakticheskoi filosofii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2021. T. 7(73). №3. S. 82–96.
9. Kuz'min V.G. Dvukhurovnevost' vospriyatiya i modusy tsveta. Kontrastnost' i dopolnitel'nost' tsvetov // Filosofskaya mysl'. 2021. № 10. S. 11–21.
10. Lazarev F.V. Interval'naya metodologiya: logiki stanovleniya, bazovye kontsepty i

metody // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2016. T. 2 (68). №3. S. 135–148.

11. Lants G. Intentsional'nye predmetry. [Elektronnyi resurs], URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1997_09/03. (23.08.2022).
12. Losev A.F. Osnovnoi printsip myshleniya i vytekayushchie iz nego logicheskie zakony myshleniya // Voprosy filosofii. 1998. №8. С. 144–152.
13. Merlo-Ponti M. Vidimoe i nevidimoe. Minsk: Logvinov, 2006. 400 s.
14. Mikesheva L.A. Fenomenologiya i obogashchenie ponyatii v epistemologii // Voprosy filosofii. 2016. №2. S.85–94.
15. Novoselov M.M. Logika abstraktsii (metodologicheskii analiz). Chast' 1. M.: IFRAN, 2000. 191 s.
16. Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka. M.: Progress, 1988. S. 52–92.
17. Khaidegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. Tomsk: Vodolei, 1998. 384 c.
18. Caivano J.L. Color from a gradualist perspective // AIC Interim Meeting, 25–29 September 2018. Lisbon, Portugal. [Elektronnyi resurs], URL: Sotsial'naya set' «ResearchGate», https://www.researchgate.net/publication/330145359_Colour_from_a_gradualist_perspective (14.09.2019).

A Bridge across the Abyss? Digitalization and Transhumanism as a New Anthropological and Social Reality in the Context of Ideological Searches of Personality (Historical, Philosophical and General Theoretical Aspects)

Suslov Alexey Viktorovich

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Philosophy, Russian State Social University; Associate professor, Department of Social Disciplines and Humanities, Moscow Witte University

123995, Russia, g. Moscow, ul. Vl'gel'ma Pika, 4, str. 1, kab. 420

✉ suslov.aleksei@mail.ru

Gusev Dmitrii Alekseevich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Moscow Witte University; Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

✉ gusev.d@bk.ru

Abstract. One of the main existentials of a person is the fact of his mortality and, most importantly, his knowledge about it, which inevitably leads everyone, one way or another, to the idea of overcoming death, to the idea of immortality, or – a saving bridge across the abyss of non-existence, which connects the present being of a person with his future being. In search of this bridge, a person talks about various "variants" of immortality: physical (naturalistic); biological; social; scientific-technical, technological and technocratic; religious – Christian providential immortality. The totality of socio-philosophical and anthropological concepts grouped around the idea of scientific and technological improvement of human nature, significant prolongation of life and, to the limit, overcoming mortality, is one of the modern trends of philosophical thought, known as transhumanism. The article attempts to

consider transhumanism in the broad ideological context of the materialistic-atheistic, scientististic, positivist and evolutionist project, which, in general, is based on the "multifaceted" anthropovoluntarism that is constantly present in the philosophical search for humanity; and also – to analyze transhumanistic ideas from the positions of the opposite – idealistic-theistic, creationist, anti-positivist worldview camp, – based on providentialism, which for centuries and – currently – opposes anthropocentric voluntarism and transhumanism. The research being undertaken aims – in the context of the centuries-old polemic between anthropovoluntarism and providentialism – to clarify the reality or illusory nature of the proposed strategies of immortality, the search for a real bridge leading man and humanity through the abyss of threatened non-existence.

Keywords: anthropological voluntarism, Christianity, materialism, postpositivism, positivism, anti-scientism, scientism, posthumanism, providentialism, transhumanism

References (transliterated)

1. Hughes J. The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626–2030. *Zygon* 47(4), pp. 757–776.
2. Arkhiepiskop Luka (Voino-Yasenetskii). *Nauka i religiya*. M.: Obraz, 2007. 192 s.
3. Barashenkov V.S. *Kvarki, protony, Vselennaya*. M.: Znanie, 1987. 192 s.
4. Bilenko T.I. Geroizm i podvizhnichestvo: problema vybora // *Bulgakovskie chteniya*. 2007. № 1. S. 184–189.
5. Bekon F. *Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya nraavstvennyye i politicheskie*. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1954.-. 243 s.
6. Gumnitskii G.N. Ponyatie svobody: determinizm ili indeterminizm? // *Informatsionnaya sreda vuza*. 2017. № 1 (24). S. 252–256.
7. Gusev D.A. «Osnovnoi vopros filosofii» v kontekste polemiki teizma i ateizma kak sistem mirovozzrencheskoi navigatsii cheloveka (istoriko-filosofskii i obshcheteoreticheskii aspekty) // *Voprosy filosofii*. 2020. T. № 6. S. 58–68.
8. Gusev D.A., Potaturov V.A. *Nauka i religiya v kontekste polemiki mezhd stsiientizmom i antistsientizmom* // *Filosofiya i kul'tura*. 2018. № 10. S. 28–44.
9. Gusev D.A., Potaturov V.A. *Stsientizm i antistsientizm kak dva obraza filosofii nauki, dva mirovozzreniya i dve sistemy zhiznennoi navigatsii cheloveka (istoriko-filosofskii i obshcheteoreticheskii aspekty)* // *Filosofskaya mysl'*. 2020. № 1. S. 32–51.
10. Didro D. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya*. Moskva: Gospolitizdat, 1941. 280 s.
11. Ivashina R.A. Teizm i ateizm: prichiny disputa i popytka konsensusa // *Patriarkh Sergii i tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v XX veke: trudnyi put' k sotrudnichestvu. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. 2017. S. 221–225.
12. Mikhailov K.A., Grachev M.V. *Filosofiya. Fundamental'nyi kurs zhivoi i svobodnoi filosofii. Tom 1. Metafilosofiya. Ontologiya. Gnoseologiya. Filosofiya i metodologiya nauki*. M.: Akademicheskii proekt, 2018. 659 s.
13. Nikonov A.P. *Apgreid obez'yany. Bol'shaya istoriya malen'koi singulyarnosti*. M.: Enas, 2005. 145 s.
14. Rakhova E.E. *Gumanisticheskii geroizm i pravoslavnoe podvizhnichestvo* // *Innovatsionnaya nauka*. 2016. № 4-4. S. 73–76/
15. Suslov A.V. *Predstaviteli russkogo kosmizma o dialektike dobra i zla. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*. 2013. № 3. S. 39–45.

16. Fukuyama F. Konets istorii i poslednii chelovek. M.: Free Press. 1992. 558 s.
17. Chetverikova O.N. Diktatura «prosveshchennykh»: dukh i tseli transgumanizma. URL: <http://orthowiev.ru/transgumanism/>
18. Shchipkov V.A. Sekulyarnye osnovaniya i utopicheskie cherty ideologii transgumanizma. Vestnik Mosk. Un-ta. Ser.12. Politicheskie nauki. 2018. №3. S. 7–24.

Pragmatism in Education: Philosophical Foundations and Pedagogical Practice

Maltsev Yaroslav Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of History and World Politics of Tyumen State University

625003, Russia, Tyumenskaya oblast', g. Tyumen', ul. Volodarskogo, 6

✉ maltsevyaroslav@gmail.com

Abstract. The subject of this article is the ideas in the field of philosophy and practice of education, proposed by the founders of pragmatism: C. Pierce, W. James, J. Dewey, R. Rorty. The concepts of these authors gave rise to one of the most successful philosophies of education, which has been and is being subjected to considerable criticism, but is still in demand and demonstrating effectiveness. The article analyzes the initial axioms of the philosophy of pragmatism and the principles on which, according to the philosophers-authors, this educational model should work. The modern criticism of pragmatism in English-language literature is also touched upon. Attention to the philosophy of pragmatism in education seems justified due to the search for a better educational model that is taking place in Russia today.

The scientific novelty of the article lies in the analysis of the key philosophical principles of the educational model of pragmatism along with practical recommendations, as well as in the attention paid to Ch. Pierce and the place, significance, of his ideas in the educational model of pragmatism. Traditionally Ch. Pierce is taken out of the brackets when writing about pragmatism in education. Much more attention is paid to the ideas of W. James, J. Dewey, R. Rorty, while Peirce's prolegomena seem fundamentally significant in understanding pragmatism as a philosophy of education. The author discusses the current controversy around the relevance of pragmatism as a philosophy of education, about its strengths and weaknesses. It is concluded that pragmatism as a philosophy of education carries useful principles associated with consensual practices, critical thinking, dialogue, increased attention to experience and an active cognitive position, and therefore can be used as a counterweight to destructive (commercialization, deprofessionalization) trends in education.

Keywords: truth, James, Rorty, Dewey, Pierce, pragmatism, education, philosophy of education, philosophy, dialogue

References (transliterated)

1. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 384 s.
2. Dzheims U. Pragmatizm. SPb.: Izd. «ShIPOVNIK''''», 1910. 244 s.
3. Dzhokhadze I. Neopragmatizm Richarda Rorti. M.: Editorial URSS, 2021. 256 s.
4. Dialog s Richardom Rorti. Textonly. 1999. № 1. URL:

- http://www.vavilon.ru/textonly/issue1/rort_int.htm (data obrashcheniya: 03.08.2021)
5. D'yui Dzh. Demokratiya i obrazovanie. M.: Pedagogika-Press, 2000. 384 s.
 6. D'yui Dzh. Moe pedagogicheskoe kredo. URL: <https://altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/7/9> (data obrashcheniya: 03.08.2021)
 7. Kulikov M. V. Neopragmatizm Richarda Rorti kak prodolzhenie traditsii klassicheskoi amerikanskoi filosofii. Avtoref. ... dis. k-ta filos. nauk. Tomsk, 2006. 18 s.
 8. Loginov E. Pragmatizm i neopragmatizm: rekonstruktsiya ucheniya Dzh. D'yui u R. Rorti. Voprosy filosofii. 2016. № 2. S. 192-203.
 9. Ogurtsov A. P., Platonov V. V. Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. XX vek. SPb.: RKhGI, 2004. 520 s.
 10. Pirs Ch. Kak sdelat' nashi idei yasnymi / Pirs Ch. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. M.: Logos, 2000. 448s.
 11. Pirs Ch. Nachala pragmatizma. SPb.: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aleteiya, 2000. 318 s.
 12. Pirs Ch. S. Chto takoe znak? Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2009. № 3 (7). S. 88-95.
 13. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya. M.: ATS: Astrel', 2010. 576 s.
 14. Rorti R. Pragmatizm bez metoda. LOGOS. 1996. № 8. S. 155-172.
 15. Fuko M. Germenevtika sub"ekta: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981 —1982 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2007. 677 s.
 16. Abellanos R. Rorty's Philosophy of Education: Between Orthodoxy and Vulgar Relativism. KRITIKE, 2010. Vol. 4. № 2. P. 87-104.
 17. Adeleye J. O. Pragmatism and its implications on teaching and learning in Nigerian schools, Research Highlights in Education and Science. 2017. № 1(1). P. 2-6.
 18. Allan G. Higher Education in the Making: Pragmatism, Whitehead, and the Canon. SUNY Press, 2004. 263 p.
 19. Curtis W. M. Defending Rorty: Pragmatism and Liberal Virtue. New York, NY, Cambridge University Press, 2015. 300 p.
 20. Dalio R. The Changing World Order: Why Nations Succeed and Fail. Simon and Schuster, 2021. 576 p.
 21. Devine Ph. E. The New Fuzziness: Richard Rorty on Education. Philosophy Faculty Publications, 1995. 117 p.
 22. Garrison J., Neubert S., Reich K. John Dewey's Philosophy of Education: An Introduction and Recontextualization for Our Times. Palgrave Macmillan, 2012. 224 p.
 23. Ideas of Education: Philosophy and politics from Plato to Dewey. Routledge, 2013. 213 p.
 24. James W. Pragmatism's Conception of Truth. The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1907. Vol. 4. №. 6. P. 141-155.
 25. King K. M. Devil, Deceiver, Dupe: Constructing John Dewey from the Right. Journal of Philosophy of Education. Vol. 52. №. 2. 2018. P. 330-344.
 26. Khosrow B. N. Richard Rorty's Conception of Philosophy of Education Revisited. Educational Theory. 2014. Vol. 64. №. 1. P. 75-98.
 27. Noddings N. Philosophy of education. Westview Press, 1998. 156 p.
 28. Rai P. Ch., Lama R. Pragmatism and its contribution to education. International Journal of Creative Research Thoughts (IJCRT). 2020. Vol. 8. Issue 3. P. 1844-1847.
 29. Rorty A. Philosophers on Education: New Historical Perspectives. Routledge, 1999. 491

- p.
30. Rorty R. Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. 319 p.
 31. Sharma S., Devi R., Kumari J. Pragmatism in Education. International Conference on New Frontiers of Engineering, Science, Management and Humanities (ICNFESMH-2018). 2018. P. 74-79.
 32. Taylor M., Schreier H., Ghiraldelli Jr. P. Pragmatism, Education, and Children: International Philosophical Perspectives. Amsterdam – New York, NY: Rodopi, 2008. 268 p.

Interaction of Philosophical Anthropology and Neurosciences in the Context of Natural and Artificial Intelligence

Gluzdov Dmitry Viktorovich

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Social Sciences, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Mnin

603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1

✉ dmitry.gluzdov@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the relationship between philosophical anthropologists, who deal with the nature and essence of man, and neurosciences, who study neural processes - the work of the brain and nervous system. In particular, the present article is a discovery of how these two fields can shed light on issues related to detection and artificial intelligence, such as the nature of consciousness and intelligence, as well as the possibility of creating conscious machines and the ethical implications of the emergence of artificial intelligence. The study suggests an interdisciplinary approach. In this methodological work, dialectical methods are encountered in this important methodological plane, but also the hermeneutic and phenomenological approaches most often used in philosophical research are used. The novelty of research is found in the frequency of violations between the philosophical and empirical points of medicine in the considered area. Within the framework of this study, a philosophical examination is carried out for the most "objective" examination - a representative of philosophical anthropology, the doctrine of the nature and nature of man.

The subject of research suggesting the creation of a promising possession towards a versatile understanding of man. Problems notwithstanding, the interplay between philosophical anthropology and neuroscience can provide valuable insights into some of the most fundamental and elusive aspects of the human experience, such as consciousness, the self, and free will.

The interaction of philosophical anthropology and neuroscience can be organized as a dialogue between two approaches to understanding the human condition. Philosophical anthropology offers a conceptual framework for thinking about the nature of human experience, while neuroscience provides empirical evidence that can help test and refine philosophical theories. Together, these two areas can help shed light on some of man's most fundamental questions about what it means to be.

Keywords: dialogue, free will, consciousness, natural intelligence, artificial intelligence, human, neuroscience, philosophical anthropology, mind and body, interdisciplinary approach

References (transliterated)

1. Bennett M.R., Hacker P.M.S. Philosophical Foundations of Neuroscience, 2nd Edition. – Wiley-Blackwell – 2022 – P.564.

2. Müller V.C. Philosophy and Theory of Artificial Intelligence – Springer Nature, 2021 – DOI: 10.1007/978-3-031-09153-7
3. Macpherson T., Churchland A., Sejnowski T., DiCarlo J., Kamitani Y., Takahashi H., Hikid T. Natural and Artificial Intelligence-A brief introduction to the interplay between AI and neuroscience research – Neural Networks. V.144. – December 2021. – pp. 603-613. DOI: 10.1016/j.neunet.2021.09.018
4. Gluzdov D.V. Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya vzaimodeistviya iskusstvennogo i estestvennogo intellekta // Vestnik Mininskogo universiteta. 2022. T. 10, № 4. S. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-4-15
5. Rozin V.M. – Dve kontseptsii iskusstvennogo intellekta: realisticheskaya i utopicheskaya // Filosofskaya mysl'. – 2023. – № 2. – S.102-114. – DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39739 EDN: DDLZIT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39739
6. Gracheva D.V., Farzaliev D.A. Vliyanie fizicheskoi nagruzki na kognitivnoe razvitie studentov // Izvestiya TulGU. Fizicheskaya kul'tura. Sport. – 2021. №3. DOI: 10.24412/2305-8404-2021-3-24-29
7. Kurdyukova S.V., Vorotnik A.N., Tret'yakov A.A., Kulinichev A.N., Tkachenko A.I. Issledovanie urovnya znaniy kursantov o vliyaniy fizicheskikh uprazhnenii na umstvennuyu rabotosposobnost' // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. – 2021. №7 (197). – S.186-191 – DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.7.
8. Gul'tyaeva V.V., Zinchenko M.I., Uryumtsev D.Yu., Krivoshchekov S.G., Aftanas L.I. Fizicheskaya nagruzka pri lechenii depressii. Fiziologicheskie mekhanizmy // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova – 2019 – T.119 №7 – s.112-119 – DOI: 10.17116/jnevro2019119071112
9. Drapkina O.M., Shishkova V.N., Kotova M.B. Psikhoemotsional'nye faktory riska khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy v ambulatornoi praktike // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika – 2022. №10 – DOI:10.15829/1728-8800-2022-3438
10. Omel'yanenko M.G., Shumakova V.A., Sukhovei N.A., Shchapova N.N. Psikhoemotsional'nye narusheniya i endotelial'naya disfunktsiya v razvitii serdechno-sosudistyykh zabolevaniy, assotsiirovannykh s aterosklerozom // Sibirskii zhurnal klinicheskoi i eksperimental'noi meditsiny – 2014. №3 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psikhoemotsionalnye-narusheniya-i-endotelialnaya-disfunktsiya-v-razvitii-serdechno-sosudistyykh-zabolevaniy-assotsiirovannykh-s> (data obrashcheniya: 03.03.2023).
11. Chapny E.V. Telesnye glubiny mental'nykh protsessov. Filosofsko-antropologicheskii aspekt. – «Lambert Academic Publishing» – 2013. – S.152.
12. Calzavarini F., Viola M. Neural Mechanisms. New Challenges in the Philosophy of Neuroscience – Springer Nature, 2021 – P. 506. – DOI: 10.1007/978-3-030-54092-0
13. Dorofeev D.Yu. Antropologicheskie kontsepty: "samost'", individual'nost', sub"ekt, lichnost' // Ekzistentsial'nyi analiz. Moskva. – №6, 2014. – S.247-270
14. Petrova G.I. Filosofskaya antropologiya i antropologicheskaya problematika v filosofii. – Tomsk: Izdatel'stvo HTL. – 2002. – 160s.
15. Churchland P.S. Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain – Boston: The MIT Press, 1989. – P.542 – DOI: 10.7551/mitpress/4952.001.0001
16. Lektorskii V. A. Issledovanie intellektual'nykh protsessov v sovremennoi kognitivnoi nauke: filosofskie problemy. // Estestvennyi i iskusstvennyi intellekt: metodologicheskie i sotsial'nye problemy. – M.:«Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011.

– S. 3-16.

17. Lektorskii V. A. *Filosofiya, iskusstvennyi intellekt, kognitivnye issledovaniya* // Materialy Vseros. mezhdistsiplinar. konf., posvyashch. shestidesyatiletuyu issled. iskusstv. intellekta (g. Moskva, 17–18 marta 2016 g.) – M.: IIntell, 2017. – S. 87-94.
18. Wei Xu, Marvin J. Dainoff, Liezhong Ge, Zaifeng Gao. *From Human-Computer Interaction to Human-AI Interaction: New Challenges and Opportunities for Enabling Human-Centered AI* – 2021. – [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.researchgate.net/publication/351545957_From_Human-Computer_Interaction_to_Human-AI_Interaction_New_Challenges_and_Opportunities_for_Enabling_Human-Centered_AI (data obrashcheniya: 03.03.2023).